Maschitzky. Aus dem Soldatenleben.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

А. МАШИЦКІЙ.

ИЗЪ ЖИЗНИ СОЛДАТА

(Сказка-правда.)

Изданіе
Лиги Русской Революціонной Соціаль-Демократіи.

ЖЕНЕВА
Тип. Лиги Русск. Революц. Соц.-Дем., Rue Coulouvrenière, 27.
1903

„Пров 49“ 5

~~225-267~~

226597

Изъ жизни солдата.

Первый лучъ ранняго весенняго утра не успѣлъ еще прорѣзать сизый густой туманъ, окутавшій окрестную землю, загроможденную старыми почернѣвшими и покривившимися отъ времени избами, овинами и сараями, какъ на порогѣ довольно большой, новой и крѣпко выстроенной избы, находящейся въ центрѣ деревни, показался ротный горнистъ и въ воздухѣ тотчасъ же раздались тревожные звуки рожка, понятные только солдату.

— Ти-та-та-тра, та-та... Бѣги скорѣй, хватай ружье, бѣги бѣгомъ! — старался выводить молодой, красивый цыганъ, легкія котораго при этомъ сильно работали. Грудь его часто и высоко вздымалась, но объемъ ея былъ настолько незначителенъ, она такъ мало могла вмѣстить въ себя воздуха, что нѣсколько звуковъ, вылетѣвшихъ изъ рожка вполнѣ покрывали весь его запасъ, и цыгану приходилось пускать въ оборотъ такіе пріемы, которые строго преслѣдовались.

Первый пронзительный звукъ пронесся по деревнѣ, ворвался въ избы и громкимъ, внятнымъ эхомъ отозвался въ ущельи, находящемся въ полуверстѣ отъ деревни и передающимъ всѣ изгибы крика, разговоровъ — вообще всѣ звуки, которые тревожатъ ея спокойную и однообразную жизнь.

Не успѣли еще первыя трели рожка замереть въ ущельи, какъ къ нимъ присоединился барабанный бой, мелкая и частая дробь котораго будила въ каждомъ солдатѣ тревогу и сознаніе необходимости и важности схватить ружье, шинель, ранецъ, патронныя сумки и бѣгомъ броситься къ ротной канцеляріи, находящейся въ той избѣ, изъ которой показался горнистъ, а вслѣдъ за нимъ и барабанщикъ.

Передъ окнами канцеляріи ходилъ взадъ и впередъ ротный командиръ, капитанъ Мавродино — высокій, съ выпяченной впередъ широкой грудью, съ несоразмѣрно широкими плечами, въ которыя вросла маленькая, кругленькая головка. Его длинныя полусогнутыя руки покачивались въ тактъ ровнаго шага, привыкшаго отбивать всегдашнюю команду: „Лѣвой!... правой!...“ „Разъ, два...“

Капитанъ Мавродино рѣшилъ въ этотъ день устроить тревогу и, такимъ образомъ, провѣрить исправность солдатъ ввѣренной ему роты.

При первыхъ же звукахъ рожка и барабана, трели которыхъ продолжали носиться еще въ воздухѣ, со всѣхъ концовъ деревни показались солдаты, бѣгущіе къ ротной избѣ. Одни изъ нихъ на бѣгу застегивали ремни ранцевъ, другіе накидывали пояса, третьи старались привести въ порядокъ свой внѣшній видъ... И чѣмъ ближе каждый изъ нихъ подбѣгалъ къ ротной избѣ, тѣмъ яснѣе различалъ онъ фигуру своего командира, по быстрымъ шагамъ котораго каждый изъ солдатъ понималъ, что ротный не въ духѣ и что быть сегодня большой бѣдѣ. А ротный между тѣмъ продолжалъ „установленнымъ шагомъ“ шагать по тропинкѣ, вьющейся въ направленіи фасада сборной избы и, дойдя до ея конца, быстрымъ и рѣшительнымъ движеніемъ дѣлалъ на чуть приподнятыхъ носкахъ полный оборотъ слѣва на право. Его громадное туловище еще не успѣвало окончательно повернуться въ полный оборотъ, какъ онъ „выносилъ“ уже лѣвую ногу и ставилъ ее „твердо“ и „рѣзко“ на землю. Мавродино совершалъ свою прогулку сосредоточенно, не смотря по сторонамъ и какъ бы совершенно не обращая вниманія на все болѣе и болѣе увеличивающееся число солдатъ, строющихся здѣсь, возлѣ него и старающихся занять свои мѣста по строго установленному ранжиру. Свѣсившіеся, длинные, желтые усы капитана шевелились и солдаты знали поэтому, что ротный чѣмъ-то недоволенъ, на что-то сердитъ. Въ сердце каждаго солдата вселя-

лась тревога и ужасъ. Ротный хорошо видѣлъ, что многіе изъ солдатъ явились не въ соотвѣтствующемъ ихъ званію и случаю видѣ: одни съ еле застегнутыми ранцами, другіе безъ шинелей, третьи съ одной патронной сумкой, четвертые съ плохо вычищенными сапогами. Вообще большинство изъ нихъ были одѣты не по формѣ. Все это страшно бѣсило Мавродино, но онъ сдерживалъ свое негодованіе, накопляя его въ злобу и приберегая до того момента, когда онъ сможетъ проявить себя передъ ротой во всей своей дикой необузданности и волнующемъ сладострастіи.

Однимъ изъ послѣднихъ явился заспанный фельдфебель. Брюки его спускались поверхъ высокихъ сапогъ, мундиръ былъ растегнутъ, а шашка какъ-то безпомощно моталась на плохо пристегнутой портупеѣ. Это окончательно взбѣсило ротнаго, онъ передернулъ плечами, на мгновеніе остановился при поворотѣ, въ первый разъ открыто посмотрѣлъ на роту, зашевелилъ губами и снова твердо зашагалъ, выпятивъ грудь еще больше и сурово расправивъ плечи.

Прибѣгающіе солдаты, занявъ свои мѣста, замирали какъ изваянія и стремились сосредоточить на лицѣ и во всей своей фигурѣ выраженіе грубой звѣрской силы. Они пялили глаза, старались „смотрѣть звѣремъ“, „ѣсть“ начальство глазами, не моргать, не дышать. Фельдфебель очень хорошо понималъ настроеніе своего ротнаго командира, видѣлъ, что солдаты не собрались въ должномъ порядкѣ, что они размѣщались далеко неумѣло, производя тѣмъ самымъ излишнюю суету и шумъ. Онъ сейчасъ же забѣгалъ по фронту, устанавливая каждаго на свое мѣсто, награждая тумаками менѣе проворныхъ, стараясь въ то же время уловить моментъ и поправить свои брюки, мундиръ и шашку. Онъ зналъ, что еще можно искупить свою вину передъ ротнымъ, если послѣдній замѣтитъ, что разсыпаемые имъ направо и налѣво удары были увѣсисты и откровенны. По природѣ добрый, мягкій человѣкъ, страшный кутила и потому находящійся въ постоянной зави-

симости отъ своей роты, фельдфебель не любилъ раздавать солдатамъ оплеухи, въ душѣ считая всякую драку ниже достоинства кавалера и побѣдителя многихъ женскихъ сердецъ. И если теперь онъ прибѣгалъ къ этому противному ему средству, то только въ угоду своему ротному, который кулакъ и силу жестокаго удара возвелъ въ принципъ своей дисциплины, окружилъ ихъ ореоломъ недосягаемой мудрости и старался развить эту „способность“ въ каждомъ изъ своихъ подчиненныхъ.

Наконецъ, рота была вся въ сборѣ. Она построилась развернутымъ фронтомъ, съ ротнымъ значкомъ, съ горнистомъ, съ двумя барабанщиками и съ фельдфебелемъ, который успѣлъ уже поправить брюки, мундиръ и шашку. Фельдфебель смотрѣлъ теперь на капитана съ большей увѣренностью, хотя прекрасно понималъ, что „стараго черта“ провести ему не удастся, но нѣкоторая надежда на это у него все-таки мелькала въ головѣ. А ротный все продолжалъ ходить тѣмъ же военнымъ шагомъ, выдерживая тактъ при каждомъ поворотѣ и часто поводилъ плечами. Его начало бѣсить, что нѣтъ еще субалтернъ-офицера, молодого подпоручика Борисова, только за нѣсколько дней пріѣхавшаго въ N-скій полкъ и попавшаго къ нему на выучку. Отправлять подъ команду Мавродино только-что выпущенныхъ изъ училища офицеровъ было любимымъ пріемомъ полкового командира. Онъ зналъ, что строгій, исполнительный капитанъ вышколитъ любого „франтика“ и превратитъ его въ дисциплинированнаго „служаку“.

Полковой командиръ прошелъ тяжелую лямку вольноопредѣляющагося, юнкера, подпрапорщика и вообще всей офицерской ротной службы. И онъ, точно въ отместку за всѣ тяжелыя мытарства съ трудомъ проведенной карьеры, терпѣть не могъ „бѣлоручекъ-кадетовъ“, которые попадали въ полкъ „чортъ знаетъ почему и за что“ со старшинствомъ по производству. И каждаго изъ нихъ онъ опредѣлялъ въ роту своего стараго товарища по училищу, по полку, по военной кампаніи и извѣст-

наго за крайне невѣжественнаго, грубаго, но исполнительнаго человѣка, едва умѣвшаго подписывать свою фамилію и не останавливающагося ни передъ чѣмъ, разъ дѣло касалось дисциплины и „долга службы“. И капитанъ Мавродино, собутыльникъ полкового командира, дѣйствительно въ очень короткое время забиралъ въ руки молодыхъ офицеровъ. Каждаго окончившаго Александровское, Константиновское или Павловское училища, онъ считалъ своими и полкового командира врагами. Онъ дѣлалъ все, чтобы оскорбить, задѣть за живое „бѣлоручку“ офицера, не познавшаго во всемъ совершенствѣ полковой службы. И теперь Мавродино, послѣ проведенной за картами и водкой ночи, ждалъ своего субалтерна, для котораго и предназначалась тревога и всѣ дальнѣйшія сцены, которыя на языкѣ капитана именовались „кунтштюками“.

— Ну, и проучу же я его, — раздумывалъ Мавродино, шагая взадъ и впередъ и разжигая себя еще больше. — Не идетъ, мерзавецъ, а! Вотъ подлецъ! Погоди же, бѣлоручка! Навѣрное дрыхнетъ, негодяй, и не можетъ подняться! Привыкъ лодырничать, барчукъ подлый, бѣлошвейка кисломордная. Нѣтъ, братъ, я тебя подтяну!

Такъ разсуждалъ ротный изъ-подлобья посматривая въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться Борисовъ, который въ это самое время торопился изъ всѣхъ силъ какъ нибудь одѣться. Онъ тоже услышалъ первые призывные звуки рожка и бой барабана, но никакъ не могъ совладать съ тяжестью сна, навалившагося и крѣпко державшаго его въ своихъ объятіяхъ. Чуть-чуть пріоткрывъ глаза, выставивъ голову изъ-подъ одѣяла, онъ нѣсколько секундъ слушалъ, какъ горнистъ съ барабанщикомъ „работали“, потомъ незамѣтно для самого себя снова ушелъ поглубже подъ одѣяло, хорошо не соображая, былъ ли это сонъ или дѣйствительность. Его охватила сладкая дремота. Молодое, полное жизни и силы тѣло, предалось нѣгѣ, и онъ впалъ въ полузабытье, соображая, что если это не сонъ, то его обязательно

разбудитъ вѣрный Личардо, деньщикъ Перешница.

Молодой солдатъ, только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ оторванный отъ потомъ и кровью обрабатываемаго отцовскаго поля, крѣпко привязался къ своему молодому „барину“, подъ мундиромъ котораго онъ успѣлъ разглядѣть чуткое, нѣжное сердце и душевную мягкость. Деньщикъ Перешница, услышавъ послѣдніе звуки рожка, въ одномъ бѣльѣ, на босу ногу бросился къ своему барину.

— Ваше благородіе, извольте вставать! Въ деревнѣ тревога! — кричалъ онъ надъ самымъ ухомъ молодого офицера. Вставайте, ваше благородіе! Ишь какъ заливаютъ, черти, а! Жаль будить человѣка — подумалъ онъ про себя, — да дѣлать нечего... — Ваше благородіе! — еще громче заговорилъ деньщикъ, — вставайте, ваше благородіе!.. Тревога... вставайте... и, видя, что ничто не помогаетъ и сонъ не оставляетъ молодого, такъ сладко разоспавшагося офицера, онъ сталъ робко стягивать съ своего „барина“ байковое одѣяло.

— Ухъ, холодно! — чуть-чуть пріоткрывая глаза полусонно протянулъ Борисовъ, стараясь удержать одѣяло.

— Тревога, ваше благородіе... Вставайте, ваше благородіе!...

— Тревога?... плохо соображая, въ чемъ дѣло, и еще больше съеживаясь на постели, пролепеталъ подпоручикъ.

— Такъ точно, тревога! Извольте одѣваться!... Вотъ штаны, сапоги... Ваше благородіе, да проснитесь, ваше благородіе...

— Голубчикъ Перешница, дай еще немножко поспать. Ну, еще одну только минуточку, и ты увидишь, какъ я живо одѣнусь. Ну, оставь же...

Солдатъ постоялъ въ нерѣшительности, затѣмъ схватилъ ноги своего барина и спустилъ ихъ на полъ. При прикосновеніи ногъ къ холодному полу, Борисовъ пришелъ въ себя и понялъ, что ему не совладать съ этимъ упрямымъ „хохломъ“ — такое „грубое“ слово онъ употреблялъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣлъ выругать деньщика.

— Ну, давай штаны. Какой ты упрямый. Вотъ хохолъ!... — стараясь придать своему голосу сердитыя ноты, заговорилъ Борисовъ. Никогда не дашь выспаться. Сегодня же вѣдь воскресенье!

— Тревога, „баринъ“, ишь какъ цыганъ заливается...

— Опять „баринъ“, — разсердился вдругъ Борисовъ. — Сколько разъ я тебѣ говорилъ не называть меня такъ. „Баринъ“, — стараясь передразнить своего деньщика, повторилъ Борисовъ. — Называй ужъ лучше меня „ваше благородіе“, чѣмъ баринъ. Ты точно хочешь меня разозлить!

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!... Ей Богу нѣтъ, да, вишь, привыкъ. Да гдѣ же чулки, — забѣгалъ вдругъ деньщикъ по комнатѣ... Вотъ грѣхъ, бросили куда то и теперь не сыскать. Эхъ, ваше благородіе, — укоризненно закачалъ головою деньщикъ.

А пока деньщикъ искалъ по комнатѣ чулки, молодой подпоручикъ опять успѣлъ „прикурнуть“. Ноги, одѣтыя въ брюки, оставались свѣсившимися съ кровати, а голова вдругъ камнемъ полетѣла на подушку, и офицеръ сладко всхрапнулъ...

— Спятъ!... — въ ужасѣ подумалъ деньщикъ, роясь въ какой то кучѣ тряпья, гдѣ пестрая смѣсь мундировъ и брюкъ офицера и солдата, солдатскаго и офицерскаго бѣлья не давали возможности скоро найти именно то, что было нужно. Схвативъ первые попавшіеся подъ руку чулки, деньщикъ бросился къ офицеру.

— Ну, слава Богу, есть!... — обрадовался деньщикъ, и сунулъ ногу офицера въ старый, продырявленный чулокъ.

— Стой! вывернешь ноги, — проснулся вдругъ Борисовъ. Оставь. Я самъ. Не люблю, когда меня одѣваютъ.

— Ну, ну, не сердитесь, одѣвайтесь только скорѣй. Смотрите, барабанщикъ уже подходитъ къ ротной избѣ.

Покончивъ съ чулками, деньщикъ сталъ разыскивать сапоги, мундиръ и, чтобы отыскать каждую изъ этихъ вещей, требовалось много лишняго вре-

мени. Подъ конецъ одѣванія подпоручикъ и самъ видѣлъ, что онъ опоздалъ, но не могъ не умыться, хотя деньщикъ убѣждалъ его не дѣлать этого. Умывшись, офицеръ бросился изъ избы, на бѣгу одѣвая шашку. Деньщикъ не отставалъ отъ него, внимательно еще разъ осматривая своего „барина“, которому, какъ онъ зналъ навѣрное, теперь здорово влетитъ отъ „звѣря“, — какъ называли между собой солдаты капитана Мавродино.

— Плохіе, братъ, мы съ тобою вояки. Плохо исполняемъ присягу, а? — проговорилъ на ходу Борисовъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, да, вишь, малость того...

— Ну, бувай здоровъ. Приготовь что нибудь поѣсть, да не забудь о чаѣ... Деньги есть еще, а? — дружески закончилъ Борисовъ и проворно сбѣжалъ съ крыльца избы.

— Есть, ваше благородіе, будьте покойны, къ вашему приходу все сготовлю, радостно крикнулъ ему въ догонку просіявшій Перешница, сразу почуя въ послѣднихъ словахъ офицера добрую, почти товарищескую нотку.

— Эхъ, и славный же парень, точно братъ родной, думалъ Перешница, смотря вслѣдъ уходившему офицеру.

Когда Борисовъ подходилъ къ ротѣ, онъ издалека замѣтилъ ротнаго, который по прежнему продолжалъ шагать подъ окнами ротной избы все больше и больше возбуждаясь. Мавродино тоже замѣтилъ своего субалтерна, и его щеголеватый видъ еще больше взорвалъ капитана.

— Ишь, нафуфырился какъ, а! Вотъ подлецъ. Поди, мылся даже, — все больше и больше сердился Мавродино. Чистенькій какой, веселый!... Еще улыбается... Я жъ тебѣ дамъ, погоди-жъ ты!

Молодой офицеръ, дѣйствительно, опоздалъ на добрые три-четверти часа.

Подойдя къ ротѣ, Борисовъ взялъ подъ козырекъ и, чуть улыбаясь, направился къ ротному.

Капитанъ остановился, презрительнымъ взглядомъ окинулъ своего субалтерна, и вдругъ въ

немъ заговорила долго сдерживаемая ненависть. Столько времени внѣшне спокойный, онъ далъ теперь волю и полный просторъ душившему его гнѣву.

— Извольте стать на мѣсто и не улыбаться. Вы на службѣ, а не въ будуарѣ... На мѣсто!... Я и рота ждемъ васъ больше часа. Я вышибу изъ васъ вашъ лоскъ... На мѣсто!... — хрипло кричалъ онъ.

Подпоручикъ до такой степени растерялся, что, не отпуская руки отъ козырька, съежившись и нервно присядая на ходу, направился на правый флангъ своей полуроты.

— У, чортъ возьми! — сквозь зубы проговорилъ ротный, видя жалкую, переконфуженную фигуру своего субалтерна.

Борисовъ, услышавъ эти слова, несомнѣнно направленныя по его адресу, весь вспыхнулъ и, остановившись на мгновеніе, хотѣлъ было повернуться къ ротному, отвѣтить ему какимъ либо оскорбленіемъ, но его глаза встрѣтились съ перепуганными глазами нѣсколькихъ десятковъ жалкихъ пришибленныхъ солдатъ, на лицахъ которыхъ ясно запечатлѣлась какая то тупая покорность, смѣшанная съ растерянностью, и онъ, махнувъ рукой, занялъ свое мѣсто.

Мавродино выждалъ, пока офицеръ всталъ на мѣсто, очень хорошо замѣтивъ его движеніе и понявъ, что Борисовъ хотѣлъ ему что-то отвѣтить и это его еще болѣе озлобило. Онъ самъ чувствовалъ, что вышелъ изъ всѣхъ предѣловъ допускаемыхъ правилами взаимныхъ отношеній людей, носящихъ офицерское званіе, но совершенно не могъ переварить „бабью“ физіономію этого щеголеватаго подпоручика. Ротный шагнулъ въ сторону, остановился на разстояніи одного шага отъ роты и хотѣлъ было обратиться къ Борисову болѣе мягко, съ цѣлью загладить рѣзкость встрѣчи, но онъ вспомнилъ, что Борисовъ не сдѣлалъ того, что ему слѣдовало сдѣлать, и это снова его разозлило.

— Что долженъ дѣлать субалтернъ при прибли-

женіи ротнаго!? Чему васъ тамъ учили!... — вдругъ взревѣлъ Мавродино.

— Смирно! На плечо!... — выходя на одинъ шагъ впередъ и становясь лицомъ по направленію къ фронту, скомандовалъ Борисовъ. Но команда его вышла вялая и прокричалъ онъ ее какимъ-то дѣтскимъ фальцетомъ.

Рота взяла на плечо и застыла... Каждый солдатъ, копируя обликъ своего командира, пялилъ глаза, стараясь придать имъ возможно болѣе безжизненности и въ то же время свирѣпое выраженіе лицу. Каждый выпятилъ грудь, употребляя всѣ усилія, чтобы она выгибалась колесомъ; каждый расправилъ плечи и перенесъ всю тяжесть тѣла на носки; каждый „убралъ“ животъ, стараясь подтянуть его такъ, чтобы онъ походилъ на плоскую доску и тѣмъ подчеркнулъ бы впечатлѣніе, которое должна была производить грудь.

— Фельдфебель, — прокричалъ вдругъ ротный.

— Чего изволите, ваше —скородіе? — отвѣтилъ фельдфебель, вмигъ очутившись передъ самымъ носомъ Мавродино. Онъ, какъ вкопанный, сталъ передъ нимъ, вытянулся въ струнку и старался придать выраженію своего лица полную готовность исполнить каждое, даже ни съ чѣмъ несообразное, приказаніе своего командира.

Ротный, между тѣмъ, съ ногъ до головы осмотрѣлъ фельдфебеля и медленно, не спѣша сталъ снимать свои перчатки...

— Сейчасъ дастъ въ морду, — болѣзненно пронеслось въ головѣ фельдфебеля и онъ еще больше выпятилъ грудь и еще больше „передалъ“ свое туловище на носки ногъ.

— Разъ!— раздалась вдругъ въ воздухѣ звонкая, увѣсистая пощечина. — Будешь опаздывать, а! Забылъ присягу, вотъ тебѣ, вотъ! — и удары посыпались за ударами. Фельдфебель зналъ, что командиръ не скоро его оставитъ и ждалъ, полузакрывъ глаза, конца своей участи, чуть-чуть наклоняя голову по направленію ударовъ, сыпавшихся на лицо бѣднаго солдата то съ той, то съ другой стороны.

Послѣ трехъ, четырехъ пощечинъ крикъ ротнаго прекратился, и въ воздухѣ раздавались одни только тяжелые удары, эхомъ отзывавшіеся въ груди каждаго солдата.

Ударивъ фельдфебеля въ послѣдній разъ, Мавродино направился къ правому флангу роты. Фельдфебель съ избитой, окровавленной физіономіей, остался стоять на мѣстѣ и держалъ руку подъ козырекъ. Ротный командиръ очень хорошо замѣтилъ, что однимъ изъ первыхъ прибѣжавшихъ былъ солдатъ, занявшій свое мѣсто по ранжиру и явившійся къ строю въ полной исправности. Выправка этого солдата и умѣлое непринужденное исполненіе ружейныхъ пріемовъ заинтересовали ротнаго. И онъ уже подмѣтилъ въ немъ хорошаго служаку, съ представленіемъ о которомъ у капитана всегда связывались расторопность, точность исполненія приказаній и боевая военная осанка.

— Какъ твоя фамилія, — обратился онъ къ солдату, смотрѣвшему прямо въ глаза командира.

— Антроповъ, ваше—скородіе.

— Давно у меня въ ротѣ? Я тебя раньше что-то не замѣчалъ...

— Третій день, ваше —скородіе.

— Переведенъ откуда-нибудь?

— Такъ точно, съ девятой роты, ваше —скородіе.

— За что?

— За претензію, ваше —скородіе, поданную...

— Ага! поспѣшилъ прервать его ротный командиръ. Грамотенъ?

— Такъ точно!

— Сколько лѣтъ служишь?

— Второй годъ, ваше —скородіе.

— Въ учебной командѣ былъ?

— Такъ точно.

— Фельдфебель, напомни мнѣ о немъ.

— Слушаю, ваше —скородіе, подскочилъ фельдфебель, обрадовавшись, что можетъ выйти изъ своего столь непріятнаго положенія. Онъ поспѣшно, на бѣгу вытеръ лицо обшлагомъ мундира и теперь рабски смотрѣлъ въ глаза своего командира.

Мавродино очень понравились живые, смѣлые отвѣты Антропова, понравилось и то, что Антроповъ попалъ къ нему изъ такой роты, командиръ которой, капитанъ Поповъ, считался въ полку за извѣстнаго взяточника и грабителя, наживающагося на солдатскомъ пайкѣ и обирающаго солдатъ всѣми способами, какіе только подвертывались ему подъ руку: онъ пользовался денежными письмами солдатъ, задерживалъ жалованье, а часто и совсѣмъ его не выдавалъ; отправлялъ солдатъ на сельскія работы, получая за это съ нихъ и съ помѣщиковъ „благодарность“; за хорошую мзду производилъ въ унтера и фельдфебеля тѣхъ, кто на это не имѣлъ никакого права. Конечно, у каждаго ротнаго командира было рыльце въ пушку, но наглость ни у кого изъ нихъ не заходила такъ далеко, какъ у Попова. И солдаты его роты долго еще терпѣли бы все это угнетеніе и безсовѣстное обирательство, если бы не Антроповъ. Антроповъ, попавъ въ роту Попова, не испугался его, а сумѣлъ быстро такъ настроить солдатъ, что они при первомъ же удобномъ случаѣ заявили „претензію“.

Претензія вызвала громкій скандалъ во всемъ полку, и между офицерами очень много говорили объ одномъ изъ солдатъ, заявившихъ ее, какъ о человѣкѣ крайне смѣломъ, умномъ и энергичномъ. Особенно всѣхъ поразила его настойчивость, дошедшая до того, что онъ, не остановившись передъ запугиваніями, къ которымъ прибѣгали всѣ офицеры, передъ гауптвахтой и преданіемъ суду, представилъ полковому слѣдователю вѣскія доказательства справедливости всѣхъ своихъ утвержденій. Но полковой судъ, несмотря на это, присудилъ его къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ ареста, а полковой командиръ рѣшилъ всю роту, заявившую претензію, разсортировать, а болѣе строптивыхъ отправить подъ команду Мавродино. Сердитый капитанъ былъ, кажется, единственнымъ офицеромъ въ полку, совершенно не пользовавшимся солдатскимъ пайкомъ и прочими „доходными статьями“ ротнаго хозяйства. За то онъ жестоко преслѣдовалъ всѣхъ, кто осмѣливался заявлять претензію и тѣмъ самымъ,

какъ онъ думалъ, нарушить „долгъ службы“ и святость повиновенія. Антропову пришлось бы сильно считаться съ этимъ непреклоннымъ убѣжденіемъ своего новаго начальника, если бы не слѣдующее счастливое обстоятельство.

Какъ то разъ въ пьяной товарищеской компаніи Мавродино рѣзко высказался противъ взяточничества и грабительства, широко практикуемыхъ офицерами въ своихъ ротахъ, и это вызвало со стороны всѣхъ присутствовавшихъ глубокое негодованіе и рѣзкій отпоръ, а со стороны Попова—„личное оскорбленіе“, которое и должно было окончиться дуэлью, если бы въ эту исторію не поспѣшило вмѣшаться овладѣвшее собой офицерство. Офицеры испугались того шума, который непремѣнно будетъ вызванъ дуэлью. Они сейчасъ же поняли, что надо поскорѣе положить конецъ всей этой исторіи, связанной съ претензіей, а не раздувать ее, и рѣшили сдѣлать все, чтобы предупредить и разстроить дуэль. Для этого въ ходъ были пущены всѣ средства. Мавродино, въ концѣ концовъ, понялъ только одно, для него самое главное, что дуэль грозитъ дисциплинѣ полка, и немедленно отказался отъ нея. Но онъ не могъ простить обиды, нанесенной ему Поповымъ, и затаилъ въ себѣ злобу. Властный по природѣ своей, съ грубымъ деспотическимъ характеромъ и въ то же время крайне злопамятный и нетерпимый, Мавродино ждалъ случая отомстить Попову и всему офицерству. Встрѣтившись теперь лицомъ къ лицу съ Антроповымъ, онъ вспомнилъ по его фамиліи, что передъ нимъ стоитъ одинъ изъ тѣхъ, кто былъ руководителемъ этой исторіи, связанной съ претензіей и, вмѣсто того, чтобы начать его преслѣдовать за жалобу на своего начальника, — а именно для этой цѣли Антроповъ собственно и былъ переведенъ къ нему въ роту,— ему пришло въ голову бросить вызовъ Попову и всему офицерству. Для этого онъ рѣшилъ произвести Антропова въ ефрейтора и назначить его отдѣленнымъ начальникомъ. Вотъ почему онъ приказалъ фельдфебелю напомнить о немъ...

Покончивъ съ Антроповымъ, Мавродино пере-

шелъ къ слѣдующему, рядомъ съ нимъ стоящему, солдату, который явился въ строй въ довольно неряшливомъ видѣ: въ нечищенныхъ сапогахъ съ кое-какъ вправленными въ нихъ шароварами, въ мундирѣ, застегнутомъ не на всѣ крючки и висѣвшемъ на немъ какимъ-то мѣшкомъ. На слабо перетянутомъ, спустившимся на бедра, поясѣ этого солдата, висѣла только одна патронная сумка и не у самой бляшки, — какъ это требовалось по уставу, — а гдѣ то на боку, такъ что съ фронта она была чуть-чуть видна однимъ своимъ краемъ.

— Фельдфебель, какъ онъ одѣтъ? Ты солдатъ?... — прогремѣлъ Мавродино.

— Такъ...

— Молчать, мерзавецъ! Фельдфебель, дай ему десять разъ въ морду. Ну!..

Стоявшій сзади ротнаго командира фельдфебель вынырнулъ изъ-за его громадной спины, подскочилъ къ солдату и сталъ наносить ему удары кулакомъ по физіономіи, сладко жмуря глаза.

Ротный самъ рѣдко билъ солдатъ, а почти всегда поручалъ это дѣлать своимъ подчиненнымъ, начиная съ солдатъ и кончая фельдфебелемъ. Онъ считалъ подобное воздѣйствіе верхомъ умѣлости въ обращеніи съ подчиненными и находилъ этотъ способъ за лучшее средство вселить между солдатами и ихъ ближайшими начальниками рознь и ненависть. И въ то время, когда фельфебель билъ, ротный стоялъ и сдѣдилъ за ударами.

— Болванъ!... Бей по скулѣ и по шеѣ, а уха не тронь, замѣтилъ онъ вполголоса фельдфебелю при послѣднемъ ударѣ. Ротный хорошо помнилъ, что одинъ ударъ, нанесенный имъ когда то въ ухо солдату, кончился разрывомъ барабанной перепонки и солдатъ оглохъ. Много было у него тогда изъ-за этого непріятностей и онъ послѣ того избѣгалъ бить въ ухо и запрещалъ это дѣлать своимъ подчиненнымъ.

Оставивъ этого солдата, который послѣ первыхъ ударовъ сталъ часто мигать глазами и подергивать нижней челюстью, Мавродино перешелъ къ слѣдующему.

— Какъ ранецъ виситъ, — а? обратился онъ къ солдату, не застегнутый на одинъ ремень ранецъ котораго свѣшивался на бокъ и выѣхалъ изъ-за плеча. Осмотрѣвъ слѣдующаго солдата, къ которому трудно было за что-нибудь придраться, капитанъ приказалъ:

— Дай ему въ морду! — и указалъ солдату на его сосѣда съ плохо застегнутымъ ранцемъ.

Тотъ вышелъ изъ строя, размахнулся и далъ плюху своему сосѣду.

— Помни, братъ, службу, — къ чему-то замѣтилъ Мавродино и подошелъ къ слѣдующему.

— Фельдфебель, дай ему пять разъ въ морду! Ишь, мерзавецъ, явился въ строй безъ патронной сумки.

Фельдфебель со всѣмъ подобострастіемъ своей мелкой душенки исполнилъ приказаніе, раздумывая только о томъ, какой бы ему выкинуть „фортель“, послѣ того, какъ окончатся истязанія солдатъ. А „фортель“ ему необходимо было выкинуть, такъ какъ онъ вѣчно нуждался и жилъ, высасывая изъ солдатъ всѣ соки.

Солдаты не шевелились. Каждый зналъ, что всѣмъ придется сегодня испить чашу до дна и каждый думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе кончились эти муки. Дисциплина, видимо, сковала ихъ настроеніе и способность къ протесту и по безучастнымъ ихъ лицамъ, полнымъ безстрастія и тупой покорности, можно было думать, что между ними нѣтъ ни одного, кому могла бы придти въ голову мысль броситься на ротнаго и всадить ему штыкъ въ грудь.

Но внимательный наблюдатель могъ бы сразу замѣтить, что два человѣка не оставались безучастны ко всѣмъ этимъ дикимъ сценамъ, полнымъ грубаго глумленія надъ человѣкомъ, полнымъ попранія его достинства. Антроповъ, пренебрегая всякой осторожностью, вопреки дисциплинѣ, всѣмъ своимъ туловищемъ высунулся далеко впередъ изъ шеренги, повернулъ голову и плечи по направленію къ ротному и съ горящими глазами, полными еле сдерживаемаго гнѣва, слѣдилъ за каждымъ

его дѣйствіемъ. Конецъ его штыка нѣсколько разъ судорожно вздрагивалъ, шевелился и было замѣтно, какъ рука Антропова, держащая ружье, нѣсколько разъ конвульсивно дернулась. Антроповъ боролся самъ съ собою. Онъ слышалъ о Мавродино, какъ о страшномъ звѣрѣ, но ничего подобнаго онъ себѣ не представлялъ. Еще въ то время, когда ротный билъ фельдфебеля, ему пришло въ голову броситься на Мавродино и ударить капитана прикладомъ по головѣ, но его удержало отвращеніе къ фельдфебелю, который по всей натурѣ своей не могъ вызвать его симпатіи. Но когда ротный сталъ терзать солдатъ, превративъ для этого въ орудіе своего издѣвательства фельдфебеля и даже простыхъ солдатъ, въ Антроповѣ заговорила жажда оказать какой бы то ни было протестъ. Въ его глазахъ загорѣлась энергія и страсть, которая можетъ удержаться только силой крѣпкой воли, закаленной въ борьбѣ, воли, привыкшей подчиняться разсудку. А Антроповъ былъ изъ тѣхъ людей, кто началъ борьбу съ насиліемъ, произволомъ и деспотизмомъ, окружающими его на каждомъ шагу, съ ранняго возраста.

Уже десяти-лѣтнимъ мальчикомъ попалъ онъ на фабрику, въ качествѣ ученика. Пылкій, нервный, чуткій мальчикъ быстро ушелъ во всѣ интересы фабричной жизни и въ шестнадцать лѣтъ онъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ за разбрасываніе соціаль-демократическихъ прокламацій. Выпущенный, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на свободу изъ одиночнаго заключенія, онъ не смирился, а еще яснѣе представилъ себѣ весь гнетъ того положенія, въ какомъ находится рабочій, еще яснѣе представилъ себѣ того врага, противъ котораго надо направить свои удары, и въ 19 лѣтъ онъ былъ снова арестованъ, какъ членъ комитета, успѣвшаго въ своей дѣятельности проявить изумительную энергію и дѣлавшаго все, чтобы доказать рабочимъ, что первая задача ихъ — свергнуть правительство, уничтожить проклятое самодержавіе царя и его министровъ. И Антроповъ былъ именно однимъ изъ тѣхъ членовъ комитета, которому была многимъ обязана

пропаганда, распространеніе этой идеи среди широкихъ слоевъ рабочаго населенія.

Прошло болѣе года со времени второго ареста, Антроповъ былъ снова освобожденъ и затѣмъ попалъ въ солдаты. Попавъ въ новую для себя обстановку, Антроповъ весь погрузился въ интересы солдатской жизни и увидѣлъ, что и здѣсь имѣется широкое поле для революціонной дѣятельности. Онъ попробовалъ подготовить протестъ и оказалось возможнымъ успѣшно выполнить агитацію въ пользу заявленія претензіи на ротнаго командира Попова, за которую ему пришлось поплатиться нѣсколькими мѣсяцами ареста. За время своего заключенія онъ много раздумывалъ надъ той задачей, какую онъ себѣ пытался поставить въ этой новой средѣ, и прекрасно понялъ, что та революціонная дѣятельность, какая можетъ представиться въ военной службѣ, требуетъ большой осторожности, напряженія всѣхъ силъ ума, такта, а главное способности *умѣло* пользоваться *всѣми данными*, всѣми обстоятельствами повседневной тяжелой солдатской жизни. Конечно, онъ предвидѣлъ трудности и опасности, даже и промахи — на первыхъ порахъ, но онъ былъ изъ тѣхъ, кого они не могли остановить, а, напротивъ, еще больше возбуждали и усиливали въ немъ энергію. И вскорѣ же послѣ перваго своего опыта онъ убѣдился, что не только можно и должно прибѣгать къ тому праву, какимъ обладаетъ каждый солдатъ, то есть къ подачѣ претензіи на свое начальство, но что довольно широкая политическая агитація среди солдатъ, такая агитація, которая разбудила бы въ нихъ гражданскія чувства и превратила бы ихъ изъ слѣпыхъ орудій въ сознательныхъ людей — вполнѣ возможна и обязательна для каждаго сознательнаго соціальдемократа, попавшаго въ ряды нашего войска.

Когда Мавродино сталъ бить людей, Антроповъ еле сдерживался отъ того, чтобы не броситься на изверга, но важность и серьезность той работы, за какую онъ имѣлъ въ виду взяться, останавливала его отъ этого опрометчиваго поступка. Онъ съ юношескаго возраста хорошо зналъ и много разъ

уже имѣлъ возможность убѣдиться въ этомъ на опытѣ, что сила борцовъ за свободу въ *единеніи*, что недаромъ вотъ уже сколько лѣтъ раздается кличъ — пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь, и что пора и имъ, солдатамъ, начать присоединяться къ рабочимъ-соціалистамъ.

Другимъ, кто еле сдерживался отъ душившаго его гнѣва, — былъ подпоручикъ Борисовъ. Оскорбленный грубымъ окрикомъ полупьянаго капитана, по природѣ крайне деликатный, совершенно не знающій полковой службы, Борисовъ чувствовалъ себя до слезъ обиженнымъ, и въ первое время, какъ сталъ на свое мѣсто, размышлялъ только о томъ, какимъ образомъ онъ сможетъ смыть свое оскорбленіе. Ему то хотѣлось уйти изъ строя и бѣжать къ полковому командиру съ жалобой на Мавродино, то вызвать ротнаго на дуэль, то дать ему въ присутствіи всѣхъ офицеровъ пощечину, то обратиться къ суду чести, то тутъ же, въ присутствіи солдатъ, убить его. Но истязанія солдатъ, къ которымъ такъ быстро по приходѣ Борисова перешелъ Мавродино, до такой степени ошеломили молодого офицера, что онъ совершенно не могъ здѣсь сейчасъ же на что-либо рѣшиться. И чѣмъ дальше продолжалось истязаніе, тѣмъ сильнѣе оно дѣйствовало на него, и въ концѣ концовъ онъ забылъ о своемъ личномъ оскорбленіи и всею душою негодовалъ на ротнаго за избиваемыхъ имъ солдатъ и думалъ теперь только объ одномъ, какъ ему быть съ этимъ новымъ, неожиданнымъ вопросомъ, и рѣшилъ, скрѣпя сердце, отложить обсужденіе всего этого до окончанія сегодняшней службы. Онъ чувствовалъ всей своей молодой душой, что этотъ вопросъ слишкомъ важенъ для него самого и что принятое имъ то или иное рѣшеніе опредѣлитъ всю его дальнѣйшую жизнь въ полку.

А между тѣмъ Мавродино продолжалъ „внушать“ солдатамъ святость долга службы и силу военной дисциплины. Почти всѣ солдаты были избиты за разныя неисправности, за самымъ малымъ исключеніемъ. Если Мавродино не могъ къ чему-либо придраться, онъ приказывалъ снять сапоги съ цѣлью

провѣрить, есть-ли портянки, и если ихъ не оказывалось, или если онѣ были грязны, то или раздавались пощечины, или же онъ приказывалъ кому либо изъ солдатъ, обыкновенно сосѣду, бить „неряху“ по лицу его же грязными портянками.

За ночь Мавродино проигрался, а картежные выигрыши для него являлись источникомъ нравственнаго удовлетворенія. И когда онъ лишался этого удовлетворенія, то искалъ замѣны его въ истязаніи ввѣренныхъ ему солдатъ.

По окончаніи наружнаго осмотра, мученія солдатъ еще не окончились. Лучшимъ лѣкарствомъ противъ ипохондріи, которая всегда слѣдовала за проигрышемъ, Мавродино считалъ продолжительное мученіе терпѣливыхъ и всегда безропотныхъ своихъ подчиненныхъ. И въ этотъ разъ онъ не распустилъ роту по домамъ, а рѣшилъ повести ее на „непріятеля“, находящагося на другой сторонѣ рѣчки Борки.

Построивъ роту въ взводную сомкнутую колонну, Мавродино направилъ ее прямо къ рѣчкѣ и, остановившись на самомъ берегу, сталъ наблюдать за тѣмъ, какъ солдаты будутъ переходить рѣчку. Первый взводъ, во главѣ съ Борисовымъ, подойдя къ берегу, остановился и сталъ топтаться на мѣстѣ, по командѣ своего начальника. Это взбѣсило Мавродино и, ругаясь непечатными словами, награждая сабельными ударами людей близъ него стоящихъ, онъ заставилъ роту войти въ воду. Въ душѣ многихъ солдатъ закипѣла злоба, и подъ шумъ сразу взбѣсившейся рѣчки, воды которой встрѣтили на своемъ пути неожиданное препятствіе изъ сотенъ солдатскихъ ногъ, — они стали ругаться и клясть свою судьбу. А Мавродино между тѣмъ уже успѣлъ перейти рѣчку и ждалъ на другомъ берегу своихъ солдатъ, зорко слѣдя затѣмъ, чтобы ряды взводовъ оставались въ стройномъ порядкѣ. Лишь только солдаты вышли на берегъ, онъ не далъ имъ даже опомниться и сейчасъ же разсыпалъ ихъ въ цѣпь, направивъ роту на укрѣпленные „траншеи“ засѣвшаго въ лѣсу „непріятеля“.

— Нѣтъ, братцы, надо спустить съ него шкуру, тихо говорилъ солдатъ Кувалда своему товарищу,

сидѣвшему рядомъ съ нимъ подъ прикрытіемъ попавшагося имъ громаднаго камня и обстрѣливалъ воображаемаго „непріятеля“.

— Брось, надо терпѣть и шабашъ, съ сердцемъ подхватилъ Мотовиловъ, рослый бравый солдатъ, которому здорово досталось при осмотрѣ за грязныя портянки.

— Эхъ ты, закорузлый мужикъ. Тошно дитё праведное... брось... говоритъ, а?... Да ты знаешь, что и крѣпостныхъ такъ не истязали, какъ этотъ звѣрь, шкура барабанная! Вотъ тебѣ крестъ святой, какъ будутъ дивизіонные меневры, всажу ему изъ-подъ куста пулю въ башку его проклятую!

— Ну... у! съ испугомъ, быстро обарачиваясь къ Кувалдѣ, заговорилъ Мотовиловъ.

— Что вы тутъ, сволочи, разговариваете, вдругъ раздался надъ самымъ ихъ ухомъ голосъ Мавродино. Какъ стрѣляешь, мерзавецъ, — обратился онъ къ Кувалдѣ. Выдерживай тактъ и цѣлься лучше. Жрешь царскій хлѣбъ, а стрѣлять до сихъ поръ не научился. Морда цыганская, и, ткнувъ ногой солдата, ротный пошелъ дальше.

— У-у-у! промычалъ сквозь зубы Кувалда въ догонку капитану, который довольно далеко уже отошелъ отъ него, провѣряя лежащихъ въ цѣпи солдатъ.

Мотовиловъ вздохнулъ и принялся обстрѣливать „непріятеля“, прилагая усилія къ тому, чтобы примѣнять при стрѣльбѣ всѣ тѣ пріемы, какимъ его учили дядьки, взводные и за которые ему влетѣлъ не одинъ десятокъ плюхъ.

А Мавродино носился по „цѣпи“ отъ одного конца ея до другого, разсыпая по своему обыкновенію удары куда попало и кулакомъ и ногой, и плохо засѣвшимъ, и рѣдко стрѣлявшимъ, и невѣрно прицѣливавшимся. Надо замѣтить, что ни у кого не было даже холостыхъ патроновъ, но каждый солдатъ долженъ былъ *живо* представить передъ собой непріятеля, долженъ былъ „ожесточаться“, что тоже входило въ обязательную программу выучки капитана Мавродино.

— Какъ смотришь, жидовская морда, и стрѣля-

ешь безъ „души“, остановился капитанъ передъ солдатомъ Коганомъ, по измученному лицу котораго текли грязные потоки пота.

— Ахъ ты, свиное ухо, гдѣ ты засѣлъ, хайло!.. А!.. Вонъ кустъ, а ты гдѣ, а? Убьютъ собаку, убьютъ съ первой пули! Да пусть бьютъ, чертъ съ тобой, тебя царю не нужно, но вѣдь ты, дуракъ, никого еще не убилъ, слышишь! Ахъ ты, жидовская морда! и на бѣднаго измученнаго солдата посыпались новые удары ногъ и кулаковъ капитина Мавродино.

И Коганъ, стараясь побольше убить „непріятеля“, тихонько переползъ за кустъ, и цѣлилъ оттуда, стараясь „сохранить“ царю батюшкѣ свою, для него не нужную, голову.

Когда рота находилась въ цѣпи, Мавродино обыкновенно зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы каждое мѣсто, могущее представить изъ себя оборону, было занято солдатами, требуя въ то же время отъ унтеровъ и фельдфебеля способности быстро оглядѣться въ любой мѣстности и умѣло примѣняться ко всѣмъ неровностямъ ея. Но какъ ни старались солдаты вмѣстѣ съ своими ближайшими начальниками угодить требовательному ротному, но ничто не могло удовлетворить его въ этотъ день.

И когда ротѣ, послѣ долгой перестрѣлки, пришлось броситься на непріятеля въ штыки, Мавродино несся впереди ея и съ крикомъ „ура“ вскочилъ первый въ самый центръ „траншеи“ и съ яростью, достойной храбраго воина, разсѣкалъ шашкою „головы непріятеля“ направо и налѣво.

Наконецъ „непріятель“ былъ выбитъ изъ всѣхъ траншей и солдаты шестой роты N-скаго полка, предводительствуемые доблестнымъ и немного пришедшимъ въ себя Мавродино, направились обратно въ деревню. По командѣ капитана на середину роты вышелъ запѣвало, солдатъ Бородай, и сталъ изъ всѣхъ силъ стараться самыми залихватскими пѣснями развеселить омраченную душу своего ротнаго.

Пошла Феня на чердакъ,
Тамъ поймалъ ее козакъ...

густымъ баритономъ лихо, „съ обрывочкой“ затягивалъ Бородай.

Ой люли, ой люли
Тамъ поймалъ ее козакъ,

дружно, въ тактъ подхватила вся рота и на разные голоса вторила припѣвъ.

— Нѣтъ, ребята, надо нашу собаку убить, тихо говорилъ Кувалда шедшимъ рядомъ съ нимъ солдатамъ. Нашлись вѣдь молодцы въ 9-ой ротѣ и укокошили свою собаку, а мы терпимъ. Черти!

Солдаты угрюмо молчали.

— Убить, сердито подхватилъ Антроповъ. Эхъ ты, чумазая твоя голова. А на его мѣсто поставятъ такую же собаку. Ты вѣдь самъ какъ-то говорилъ, что въ 9-ой ротѣ, вмѣсто убитаго, поставили другого, почище перваго. Нѣтъ, братцы, сколько ихъ ни убивать, а у нашего царя-батюшки этого звѣря много! Нѣтъ, не убивать ихъ, подлецовъ, надо, а...

— Ой люли, ой люли,
Тамъ поймалъ ее стрѣлокъ!...

заглушилъ снова дружно подхваченный припѣвъ послѣдніе слова Антропова.

Съ пѣснями, съ пронзительнымъ присвистомъ, усталая, избитая рота вошла въ деревню, и отпущенные по домамъ солдаты поспѣшили разсыпаться по своимъ избамъ, гдѣ они квартировали, надѣясь наконецъ, тамъ отдохнуть.

II.

Возвратился и Борисовъ къ себѣ на квартиру. Его давно поджидалъ деньщикъ Перешница, который къ двумъ часамъ приготовилъ самоваръ, кипящій съ этого времени на столѣ, и кислыя щи, насытившія воздухъ комнаты своимъ особеннымъ вкуснымъ запахомъ и паромъ.

Перешница по лицу Борисова сразу замѣтилъ, что офицеръ не въ духѣ, и молча остался стоять у порога дверей, отдѣлявшихъ комнату офицера отъ сѣней, превращенныхъ въ жилую комнату, въ которой ночевалъ онъ самъ. Передернувъ плечами, Борисовъ сталъ медленно раздѣваться. Перешница бросился къ, нему желая снять грязные сапоги.

— Ахъ, сколько разъ я говорилъ, чтобы ты этого не дѣлалъ, оставь и ступай.

— Слушаю, ваше благородіе!

И солдатъ, стараясь ступать на цыпочки, направился было къ двери.

— Возьми щи и ѣшь, а самоваръ оставь.

Исполнивъ это неожиданное приказаніе, Перешница исчезъ, а Борисовъ сталъ раздѣваться. Раздѣвшись, онъ налилъ стаканъ чаю и улегся въ кровать. Всѣ члены его тѣла какъ-то особенно ныли и болѣли, и Борисовъ, уставясь въ одну точку, крѣпко задумался. Мысли роемъ носились въ его головѣ, навѣвая болѣзненное настроеніе. Оскорбленіе, полученное имъ въ началѣ дня, опять всплыло было наружу, но теперь оно не такъ остро дѣйствовало на него, какъ это было въ первую минуту тамъ, около сборной избы. Чуткій, крайне нервный и впечатлительный, съ болью отзывающійся на страданія другихъ, онъ не могъ переварить все то, что видѣлъ въ теченіе этого дня. Воспитанный на лучшей современной литературѣ, гуманный, съ большимъ запасомъ еще какъ слѣдуетъ не развившихся духовныхъ силъ, съ жаждою быть полезнымъ тѣмъ, въ комъ онъ видѣлъ часть любимаго имъ русскаго народа, Борисовъ не могъ себѣ представить, чтобы съ солдатомъ, слугою „царя и отечества“, могли бы

такъ безобразно, такъ жестоко обращаться. Онъ слышалъ, что во всѣхъ полкахъ есть офицеры, которые бьютъ солдатъ, но не представлялъ себѣ, чтобы ихъ могли такъ истязать, какъ это только что сдѣлалъ на его глазахъ капитанъ Мавродино. Онъ не предполагалъ, чтобы можно было обращать солдатъ въ предметъ удовлетворенія разнузданной и дикой натуры офицера, ничѣмъ не сдерживаемый деспотизмъ и своеволіе которой выливались въ самыхъ жестокихъ, совершенно несообразныхъ поступкахъ. При одной мысли о томъ, что офицеръ, подобный Мавродино, можетъ обращать фельдфебеля и даже солдатъ въ орудіе своего глумленія надъ ему подчиненными, его охватывала нервная дрожь и страшная боль. И онъ только теперь отчетливо понялъ, насколько оскорбленіе, полученное имъ, ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, чему подверглись солдаты.

— Я могу жаловаться, — началъ онъ вдругъ незамѣтно для самого себя полушепотомъ, — я могу говорить, возбудить протестъ въ офицерской средѣ, а солдатъ... пусть-ка попробуетъ!...

Онъ приподнялся, отпилъ глотокъ чаю и опять улегся въ постель, чувствуя сильное изнеможеніе во всемъ тѣлѣ.

— Да, почти-что вслухъ проговорилъ онъ, — и на сторонѣ такихъ мерзавцевъ, какъ Мавродино, судъ, законъ...

И онъ, забывъ объ усталости, вскочилъ съ кровати и забѣгалъ изъ угла въ уголъ комнаты, шлепая босыми ногами по полу, а мысль продолжала такъ усиленно работать, какъ этого еще съ нимъ никогда не было.

— Капитанъ Мавродино... Если не онъ, то кто-нибудь другой подобный же ему будетъ расправляться такъ же съ каждымъ, кто только осмѣлится пикнуть. Да и засудятъ еще какъ!...

Онъ остановился около стола, выпилъ сразу цѣлый стаканъ чаю, налилъ еще и снова улегся въ постель. И въ его воображеніи пронесся рядъ ему извѣстныхъ случаевъ расправы офицеровъ съ солдатами, при малѣйшемъ съ ихъ стороны нарушеніи

дисциплины, даже если оно произошло по винѣ кого-нибудь изъ начальства.

— Розги, дисциплинарный батальонъ, Сибирь и смертная казнь... Онъ застоналъ, схватился за голову и ушелъ глубже подъ одѣяло.

Перешница слышалъ, какъ говорилъ самъ съ собою его офицеръ, какъ онъ застоналъ и по своему понималъ Борисова. Онъ очень хотѣлъ чѣмъ-нибудь выразить сочувствіе своему „барину“, котораго какъ онъ видѣлъ, посѣтило горе. Онъ нѣсколько разъ пріоткрывалъ дверь, просовывалъ голову, но видя, что Борисовъ не обращаетъ на это никакого вниманія, рѣшился самовольно войти прямо въ комнату. Дисциплина еще не успѣла выбить изъ молодого солдата человѣческія чувства и подъ мундиромъ этого „хохла“ скрывалось горячее сердце, крайне привязчивое и глубоко понимавшее другихъ. Въ Борисовѣ Перешница видѣлъ добраго, мягкаго человѣка, совсѣмъ не похожаго на остальныхъ офицеровъ. Не даромъ же Борисовъ не разъ говорилъ съ нимъ о томъ, что солдатъ такой же человѣкъ, какъ и офицеръ и что даже на солдатѣ лежатъ болѣе тяжелыя обязанности, чѣмъ на любомъ изъ офицеровъ.

Всѣми этими разговорами онъ успѣлъ пробудить въ Перешницѣ чувство любви и преданности къ себѣ, и если до сихъ поръ его деньщикъ не высказывалъ ихъ ему, то это происходило только потому, что ни разу еще не было подходящаго случая для такого сердечнаго изліянія. И вотъ теперь какъ разъ наступило это время, — Перешница прекрасно это чувствовалъ — и, обращаясь къ Борисову, онъ какъ-то забылъ объ его званіи, а сталъ говорить съ нимъ такъ, какъ уже не разъ бесѣдовалъ въ своей душѣ.

— Эхъ, Борисъ Лександровичъ, что вы затужили! Такихъ-то, какъ „нашъ“, на бѣломъ свѣтѣ много, бываетъ еще и хуже...

И видя, что Борисовъ упорно молчитъ, онъ рѣшилъ обратиться къ самому дѣйствительному средству, предъ которымъ, какъ ему казалось, нельзя устоять.

— Нашъ звѣрь-то по крайности не обираетъ, вонъ вездѣ... ступайте... все... обирали... хабарники какіе... хуже нашего деревенскаго писарька...

Но Борисовъ молчалъ.

— Эхма, Борисъ Лександровичъ, сами же говорили, что у другихъ народовъ все по другому. Слободы сколько хошъ и солдатъ по другому живетъ, вотъ дастъ Богъ, и у насъ это будетъ. Ну, спите — кончилъ онъ, — не встрѣчая со стороны Борисова никакой поддержки.

И Перешница вышелъ, а мысль Борисова уже успѣла перескочить на другое. Онъ вспомнилъ, съ какими надеждами шелъ въ полкъ, и вотъ теперь, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, онъ сразу убѣдился, что не такъ-то легко бороться со всѣми неурядицами и со всѣмъ строемъ солдатской жизни и что, какъ видно, сама жизнь требуетъ пустить въ ходъ такое средство, которое всколыхнуло бы все, до самаго ея основанія.

Воспитывавшійся въ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ высшемъ военномъ училищѣ, находящемся въ одной изъ столицъ, Борисова, отъ природы пытливаго и думающаго человѣка, не могли не коснуться происходящія у насъ повсемѣстно событія, связанныя съ великимъ движеніемъ рабочихъ за счастье и свободу *всѣхъ* угнетенныхъ и обездоленныхъ. Ему, какъ и его современникамъ, приходилось читать соціальдемократическія прокламаціи и книжки, но онъ не удовлетворился, какъ его товарищи, только однимъ чтеніемъ ихъ. Прокламаціи натолкнули его на изученіе вопросовъ, связанныхъ съ рабочимъ движеніемъ, и въ концѣ концовъ, онъ мало-по-малу усвоилъ теорію революціоннаго соціальдемократизма. Но онъ все-таки думалъ, что практическіе выводы этого ученія не могутъ быть примѣнены въ военной службѣ и сперва обратилъ все вниманіе лишь на общедоступныя средства, вытекающія изъ условій его службы, — на гуманное обращеніе, на занятія въ ротной школѣ, на чтенія съ туманными картинами и объясненіями, а, главное, на разсказы, каса-

ющіеся положенія солдата въ другихъ государствахъ. Вскорѣ, однако, онъ убѣдился въ безполезности всѣхъ этихъ мѣръ, и если не отказался отъ нихъ совсѣмъ, то чувствовалъ, что рано или поздно это все равно должно было бы произойти. И сегодняшній день былъ послѣдней каплей, разрѣшившей всѣ сомнѣнія и рѣзко поставившей вопросъ о томъ, что дѣлать дальше...

Утромъ на другой день Борисовъ подалъ въ полкъ рапортъ о болѣзни. Сдѣлалъ онъ это съ цѣлью успокоиться отъ всѣхъ пережитыхъ впечатлѣній и для того, чтобы имѣть время спокойно обдумать дальнѣйшую свою судьбу.

Всталъ онъ съ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ и почти весь день ни къ чему не прикасался. Книги, вновь полученныя газеты и письма лежали не тронутыми. Не коснулся онъ и обѣда. Хмуро ходилъ изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ и то и дѣло курилъ. Видъ и настроеніе Борисова очень безпокоили Перешницу, но все, что онъ ни предпринималъ, чтобы успокоить его, оканчивалось ничѣмъ. Въ концѣ концовъ, Перешница рѣшилъ употребить послѣднее средство. Онъ давно говорилъ съ Борисовымъ объ Антроповѣ, какъ очень умномъ, дѣльномъ и „ученомъ“ человѣкѣ, который пользуется большимъ вліяніемъ и уваженіемъ между солдатами. Онъ говорилъ также и о томъ, что Антроповъ часто разсказываетъ собравшимся вокругъ него солдатамъ о такихъ вещахъ, отъ которыхъ „духъ замираетъ“ и „сердце закипаетъ“. Борисовъ же вообще не водилъ компаніи со своими товарищами-офицерами, жилъ отшельникомъ и выходилъ изъ дому только на службу или въ ротную школу, которую онъ постарался превратить въ „солдатскій университетъ“, — какъ шутя говорилъ онъ, — и въ которой читалъ и разсказывалъ все, что только самъ зналъ. Въ школѣ его полюбили, и онъ слылъ тамъ за очень „пріятнаго“ офицера.

Перешница думалъ, что разговоръ двухъ „умныхъ“ людей обоимъ можетъ быть пріятенъ и полезенъ, а потому рѣшилъ сегодня же зазвать къ

себѣ Антропова и, улучивъ минутку, представить его своему тоскующему „барину“.

Приготовивъ самоваръ, онъ отправился за Антроповымъ, который зналъ уже Борисова по службѣ, ротной школѣ и казармѣ и относился къ нему, какъ и всѣ, очень ласково. Онъ очень интересовался имъ и все думалъ, какимъ бы это образомъ познакомиться съ нимъ. И предложеніе Перешницы Антроповымъ было встрѣчено очень сочувственно, тѣмъ болѣе, что Перешница указалъ ему подходящій предлогъ.

Къ Борисову солдаты забѣгали съ просьбою „дать почитать“, и Борисовъ, всегда удовлетворяя ихъ желаніе, заводилъ разные разговоры, которыми онъ обыкновенно пользовался не столько для цѣлей просвѣщенія, сколько для того, чтобы — по его выраженію — „понять“ солдата.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ переговоровъ съ Перешницей, Антроповъ стоялъ уже передъ Борисовымъ и просилъ „книжечекъ“. Въ какомъ бы ни былъ настроеніи Борисовъ, онъ никогда не отказывалъ солдатамъ въ книжкахъ. Не отказалъ онъ и на этотъ разъ. Между Антроповымъ и молодымъ офицеромъ завязался разговоръ, кончившійся тѣмъ, что Борисовъ оставилъ у себя Антропова пить чай.

Перешница ликовалъ...

Антроповъ сразу замѣтилъ, что Борисовъ очень вдумчивый и, какъ ему казалось, вполнѣ честный человѣкъ. Борисовъ же нашелъ въ Антроповѣ очень сильнаго, мужественнаго и развитого рабочаго, крайне интереснаго для него своими взглядами и идеями.

Между ними завязалось знакомство, вскорѣ перешедшее въ дружбу. Въ концѣ концовъ, они оба поняли, что могутъ быть другъ другу крайне полезны и вскорѣ предприняли совмѣстную революціонную работу, пользуясь большимъ опытомъ и практикой Антропова въ этомъ дѣлѣ.

Солдаты оказались довольно воспріимчивыми къ ихъ пропагандѣ революціонныхъ идей.

III.

Прошло полгода и шестая рота N—скаго полка находилась во вновь открытыхъ для цѣлаго батальона казармахъ.

Въ одинъ изъ знойныхъ дней, когда солдаты послѣ жаркаго, жестокаго „боя“, разоблачившись до самой послѣдней рубахи, валялись на койкахъ и предавались отдыху, въ казарму ворвался, по обыкновенію полупьянный, капитанъ Мавродино.

— Въ ружье! Дневальный, буди людей! Барабанщикъ, тревогу! — кричалъ онъ зычнымъ голосомъ, перебѣгая изъ конца въ конецъ казармы.

Отдыхавшая казарма въ ту же минуту преобразилась. Люди вскакивали съ своихъ мѣстъ и спѣшили облачиться въ мундиры; по казармѣ забѣгалъ барабанщикъ и выбивалъ мудреныя трели, дневальный бросался отъ одного солдата къ другому и поторапливалъ полусонныхъ людей.

Солдаты не понимали, чего отъ нихъ хотятъ, и въ душѣ кляли царскую службу, предполагая, что капитанъ Мавродино пьянъ и явился „развеселиться“.

— Фельдфебель, выдать боевые патроны, полныя пачки! Выходи на дворъ, стройся! командовалъ, между тѣмъ, взволнованный ротный.

Солдаты схватывали ружья, все болѣе и болѣе недоумѣвая. Приказаніе выдать боевые патроны свидѣтельствовало о чемъ-то серьезномъ и важномъ. И они, быстро явившись на дворъ, заговорили, строя разныя предположенія о томъ, что все это значитъ.

— Полно, ребята! Пьянъ нашъ, ну и померещилось ему какая-нибудь чепуха. Поведетъ насъ на стрѣльбу и шабашъ!... — Охъ и мерзавецъ-же! — говорилъ Кувалда, нервно вздрагивая и поводя плечами.

— Нѣтъ, братцы, вишь, всѣ роты выстроены и вездѣ одно приказаніе, да вонъ и самъ баталіонный, закончилъ Мотовиловъ, громко зѣвая.

— Оно тошно... Видать! Гм!

— Ужъ не на Китай-ли?!...

— Кой дьяволъ на Китай, скорѣе на Турку. Эхъ-ма...

— Ну, а если....

— Смирно, — скомандовалъ вдругъ батальонный командиръ, полковникъ Иваницкій.

Солдаты на полусловѣ оборвали разговоръ и сразу застыли на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи дальнѣйшей команды.

— Ребята, въ городѣ бунтуютъ, есть такіе подлецы! Вы призваны усмирить тѣхъ, кто не повинуетя... царю. Помни присягу!

— Ладно, старый дьяволъ, подумалъ Кувалда, а Мотовиловъ глубоко вздохнулъ.

Батальонный командиръ хотѣлъ было сказать громовую рѣчь, выяснить солдатамъ все значеніе настоящаго момента и показать имъ, насколько почетна ихъ роль, какъ усмирителей, но, привыкнувъ къ односложнымъ словамъ команды, онъ остановился на послѣднемъ словѣ, стараясь подыскать новыя для выраженія своей мысли. Но словъ больше у него не находилось, и онъ закончилъ командой, выругавъ кого-то въ душѣ крѣпкимъ словомъ.

— Батальонъ на лѣ-ѣ-во! Ружья на плечо! Шагомъ-маршъ!

Отчетливо исполнивъ каждую команду, батальонъ тронулся въ путь. Было около часа дня. Стояла невыносимая жара. Солдаты быстро шагали впередъ, стараясь не отставать отъ своего полковника, легкой рысцой двигавшагося впереди батальона и изрѣдка поворачивавшаго голову къ солдатамъ для того, чтобы провѣрить, не отстаютъ-ли они, и каждый разъ зло покрикивалъ:

— Пошевеливай, не отставать!

Солдаты напрягали силы, шагали крупнымъ шагомъ, стараясь при этомъ выдержать тактъ и не сбиваться съ „ноги“. Потъ крупными каплями скатывался по ихъ лицамъ, заливая глаза, и они легкимъ, незамѣтнымъ движеніемъ руки вытирали его рукавомъ рубахи, размазывали насѣвшую пыль, дѣлая лица еще болѣе грязными. Пыль,

поднимаемая нѣсколькими сотнями ногъ, толстымъ слоемъ висѣла въ воздухѣ надъ головами и двигалась вмѣстѣ съ ними, садясь на спины, попадая въ носъ, ротъ и залѣпляя глаза. Ихъ угрюмыя, утомленныя лица, точно покрытыя маской, не выражали никакой мысли, да и никто изъ нихъ ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ только объ отдыхѣ, котораго просили ихъ измученныя, распаленныя тѣла. Находясь въ строю, каждый солдатъ воплощалъ правила дисциплины и военной муштровки въ „жизнь“ и становился недумающей и неразсуждающей машиной, способной дѣйствовать только по волѣ другого...

Мѣстность, которую солдаты проходили, была довольно холмистая, и когда голова колонны поднялась на послѣднее возвышеніе, передъ глазами ихъ сразу открылся большой городъ, опоясанный множествомъ фабрикъ и заводовъ. За какихънибудь полтора часа батальонъ прошелъ верстъ десять и теперь солдаты, поднявшись на изволокъ, тяжело дышали и жаждали воды. Было душно и тихо.

Приподнявшись на сѣдлѣ, батальонный командиръ Иваницкій посмотрѣлъ впередъ по направленію къ городу, пришпорилъ лошадь и поскакалъ, размахивая въ воздухѣ саблей.

— Бѣгомъ... маршъ, — долетѣла до ушей солдатъ его команда.

— Ишь звѣрье, кровь почуялъ! Воронье проклятое! Когда-жъ на васъ, черти, будетъ карачунъ!... подумалъ Кувалда.

Батальонъ по командѣ Иваницкаго бросился бѣгомъ за нимъ, поднимая еще большіе столбы пыли и гулко отбивая ногу о сухую землю. Повсюду раздавался безпорядочный топотъ сотенъ ногъ и, сбившись съ „носка“, потерявъ способность „опускать“ свое туловище на полусогнутыя въ колѣняхъ ноги, опустивъ голову, солдаты неслись впередъ, совершенно не думая о томъ, что они дѣлаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ не выдерживали и падали въ обморокъ, черезъ нихъ прыгали люди, если успѣвали это сдѣлать и ругались крѣп-

кими словами, если кого-либо изъ бѣгущихъ задѣвало ружье упавшаго солдата. Бѣгущіе вмѣстѣ съ ними офицеры, чувствуя, что они сами „сдали“ съ цѣлью скрыть свою „недисциплинированность“, зло покрикивали на солдатъ, ругаясь при этомъ самой отборной бранью, награждая отстающихъ ударами сабель.

Когда до первыхъ домовъ города осталось версты полторы-двѣ, Иваницкій пропустилъ батальонъ мимо себя, крича на плохо бѣгущихъ и заставляя фельдфебеля той или иной роты „подправить“ какого-нибудь изъ солдатъ, находящагося на правомъ или лѣвомъ флангѣ.

Обыкновенно это дѣлалось такъ: фельдфебель какой-ниб. роты, получивъ приказаніе, набрасывался на указанный флангъ и наносилъ ударъ, не соображая, кому онъ собственно долженъ былъ быть предназначенъ, и солдатъ, получивъ его, не раздумывалъ о томъ, насколько онъ его „заслужилъ“. Да и самъ батальонный командиръ, отдавая подобное приказаніе, никогда не слѣдилъ за тѣмъ, кто понесетъ послѣдствія его. Подобное происходило и сегодня. Дисциплина и разъ заведенный порядокъ выбили изъ людей способность къ протестамъ и къ разсужденіямъ.

Когда весь батальонъ былъ пропущенъ, командиръ остановилъ его. По командѣ „вольно“, „оправьсь“, — одни солдаты разомъ закашляли, стараясь отплевать скопившуюся въ ихъ ртахъ пыль, другіе, не сходя съ мѣстъ, стали отправлять свои естественныя нужды, третьи закурили, вообще, всѣ такъ или иначе спѣшили воспользоваться минутой отдыха. Офицеры продѣлывали то же, что и солдаты, ничуть не стѣсняясь ни другъ друга, ни своихъ подчиненныхъ.

— И чего онъ насъ погналъ, — ни къ кому не обращаясь, сказалъ Мотовиловъ.

— Чего! Извѣстно! У нихъ власть... Дѣлаютъ, что хотятъ, а мы благо, что терпимъ, — пробормоталъ Кувалда, пуская черезъ носъ клубы дыма.

— Терпимъ!... А что дѣлать?! Присяга, вѣдь,

— замѣтилъ грустнымъ голосомъ Бородай, а Мотовиловъ по своему обыкновенію глубоко вздохнулъ и махнулъ рукой.

— Присяга... присяга... ду-уракъ, — съ злостью въ голосѣ почти прокричалъ Кувалда.

— Ну, братъ, ты... того, — началъ было Бородай, но разговоры вдругъ прекратились, такъ какъ Иваницкій, послѣ команды „смирно!“ повелъ батальонъ дальше.

Черезъ нѣкоторое время батальонъ, подъ бой восьми барабановъ, вступалъ въ городъ. На первой же улицѣ онъ былъ встрѣченъ приставомъ и околоточнымъ. Приставъ, послѣ недолгихъ переговоровъ съ Иваницкимъ, полетѣлъ куда-то впередъ, околоточный же остался при батальонѣ и указывалъ ему дорогу.

Какъ только батальонъ вступилъ въ городъ, ему стали попадаться пѣшеходы и чѣмъ дальше онъ двигался, тѣмъ чаще встрѣчались они и, наконецъ, тротуары съ обѣихъ сторонъ улицы были залиты живымъ потокомъ движущихся людей, по суетливымъ движеніямъ и громкимъ разговорамъ которыхъ можно было видѣть, что въ городѣ произошло какое-то экстраординарное событіе. И видъ толпы, что-то горячо обсуждающей, производилъ на солдатъ сильное впечатлѣніе, возбуждая ихъ.

Кое-кто изъ идущихъ останавливался и, смотря на солдатъ, начиналъ что-то громко говорить, но слова этихъ людей терялись въ общемъ шумѣ, не долетая до батальона. Бой барабановъ, топотъ солдатскихъ ногъ, гулъ громко говорящей на тротуарахъ толпы, все это сливалось въ одинъ общій рокочущій стонъ, предвѣщающій грозу.

Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ въ улицы и переулки, солдаты очутились передъ рѣчкой. Батальонъ, какъ оказалось, былъ вызванъ съ цѣлью отрѣзать сообщеніе города съ окраиной, которое поддерживалось, главнымъ образомъ, черезъ мостъ. Иваницкій приказалъ одной ротѣ по отдѣленію занять обѣ стороны моста, а остальнымъ, — различныя мѣста вдоль рѣчки, гдѣ было можно ее

перейти въ бродъ или переправиться на лодкѣ. Всѣ отдѣльные начальники получили приказаніе свободно пропускать всѣхъ идущихъ изъ города за рѣчку и никого обратно.

— Ну, братухи, и дѣла, — заговорилъ Мотовиловъ, послѣ того какъ отдѣленіе подъ командой Антропова заняло назначенное ему мѣсто и, составивъ ружья въ козлы, сбилось въ одну кучу и стало разсматривать громадную толпу, находящуюся отъ него на значительномъ разстояніи.

— А народу-то, народу-то что претъ, видимо невидимо, и откуда все это? — меланхолически наблюдая за движущейся толпой, замѣтилъ Бородай.

— Эхъ, и молодцы же! Захотѣли и пошли. Никого не боятся! Что мы! бр... — вмѣшался Кувалда, сосредоточенно всматриваясь въ даль.

— Что, братцы, бить насъ пришли, а? Эхъ, вы, деревня! — мимоходомъ бросилъ какой-то молодой рабочій, бойко проходя около солдатъ, чуть-чуть поправляя ухарски, на самое ухо, заломленную шапку.

— Мастеровщина проклятая! — въ догонку бросилъ ему Рукавица, громаднаго роста солдатъ съ трубкой въ зубахъ и серьгой въ ухѣ. — Черти! Изъ-за васъ не жрамши, да и безъ отдыха! Проклятые!

— Полно, Рукавица! Не изъ-за нихъ мы сегодня не жрамши, а сами изъ за себя, — грустно замѣтилъ Антроповъ, слѣдя глазами за проходящей толпой.

— Изъ-за себя! Эхъ ты, философъ! Намъ приказано и шабашъ Присягу забылъ!

— Присягу-то я не забылъ, а все-таки это все изъ-за самихъ себя!

— Какъ такъ? изъ-за себя! Ты толкомъ разскажи; а то на поди, раскуси его, — вмѣшался Бородай сплевывая черезъ зубы и не вынимая изъ угла рта крученной „ножки“.

— Стой, слышишь, кричатъ тамъ. И чего имъ надо?! — прервалъ вдругъ Кувалда.

— Стой, въ самомъ дѣлѣ кричатъ...

— Долой самодержа-а-ві-е! — явственно долетѣлъ ревъ стотысячной толпы и раскатами понесся дальше въ улицы города.

— Вонъ какъ, братъ, замѣтилъ Кувалда. Долой и шабашъ, а кого... самъ дьяволъ не разберетъ.

— Городской все народъ, ученые, — сквозь зубы проговорилъ Рукавица и, усѣвшись на корточкахъ, сталъ вглядываться куда-то въ даль.

— Смирно! Въ ружье! скомандовалъ вдругъ Антроповъ, и мимо его отдѣленія, не успѣвшаго разобрать ружей, пролетѣла сотня казаковъ, оставляя за собой столбъ пыли. Съ дикимъ гиканьемъ, размахивая высоко надъ головами нагайками, съ лицами, полными отваги и звѣрской удали, летѣли они по направленію къ толпѣ.

— Вотъ такъ, братцы, налетѣли и на насъ казаки, когда я еще былъ въ мужикахъ, значитъ! Налетѣли и давай пороть. Страсть!

— А за что? — спросилъ Кувалда.

— За что!? Чудакъ человѣкъ! Неурожаи одолѣли... Мы за барскій хлѣбъ взялись, да и прирѣзокъ захотѣли. Давно ихъ добиваемся... Земля-то вѣдь наша... Отнятая, стало быть... Вотъ тебѣ и весь сказъ... Нагнали казаковъ, да и солдатъ, видимо-невидимо.

— Пороли?

— Пороли.

— И здорово?

— Страсть! Поди всю деревню... А тамъ зачали бабъ портить!..

Послѣднее сообщеніе произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе, и каждый изъ солдатъ громко сталъ высказывать свое негодованіе, что съ крестьянами такъ обошлись.

— Ишь вы разлаялись, вмѣшался до сихъ поръ молчавшій Кувалда. А сами, небось, начнете стрѣлять... вонъ въ нихъ, — махнулъ онъ головой въ сторону проходящихъ рабочихъ. Черти!

— Брось!

— Брось! Христа на васъ нѣтъ. Надѣлъ мундиръ и шабашъ... Завтра снимешь, а тогда какъ? Сволочи!

— Брось!

— Стой, ребята, желая предупредить ссору, вдругъ не утерпѣлъ сдерживавшійся до сихъ поръ Антроповъ. Онъ правъ. Сами подумайте. Тамъ васъ били, а теперь насъ призвали бить. Вонъ ты, Рукавица, фордыбачишь, что вамъ тамъ помѣшали прирѣзокъ получить, а здѣсь мы мѣшаемъ рабочимъ получить то, чего они хотятъ. Ты вчера былъ мужикъ и завтра опять будешь имъ, а сегодня вонъ... скажутъ стрѣлять... и будешь...

— Дудки! Черти проклятые, громко выругался Кувалда и сплюнулъ черезъ зубы.

Солдаты замолчали, каждый думалъ про себя.

— А чего они хотятъ? вдругъ спросилъ Кувалда и засвисталъ. Нѣшто спросить кого-нибудь, не обращаясь собственно ни къ кому, продолжалъ онъ. Всѣ молчали.

— Эй, хлопецъ, подь сюда, обратился онъ вдругъ къ какому-то рабочему, прислушивающемуся къ разговору и давно стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отдѣленія.

— Чего тебѣ?

— Зачѣмъ бунтуете? А! Чего такъ кричите?..

— Такъ вы хотите знать, чего мы хотимъ? подхватилъ молодой рабочій.

— Разскажи, коли хочешь! Да вонъ и товарищи просятъ, лѣниво замѣтилъ Антроповъ и сталъ курить папироску.

Рабочій какъ будто только этого и ждалъ. Онъ началъ говорить о томъ, что они рабочіе устроили здѣсь, за мостомъ, собраніе, желая высказать свое порицаніе правительству, которое является врагомъ народа, помогая фабрикантамъ, помѣщикамъ и кулакамъ обирать рабочихъ и тѣхъ изъ крестьянъ, кто работаетъ по найму; что правительство выколачиваетъ съ народа подати и очень мало, не по разсчету, беретъ съ богатыхъ и съ этими деньгами дѣлаетъ то, что хочетъ; что въ лицѣ полиціи и чиновниковъ, начиная съ самыхъ низшихъ и кончая высшими, рабочіе видятъ *такую* власть, которой пользуется высшее правительство для поддержанія и обогащенія и безъ того уже богатыхъ

классовъ и что только рабствомъ и невѣжествомъ народа правительство поддерживаетъ свою власть и власть фабрикантовъ и помѣщиковъ и что рабочіе призываютъ теперь всѣ классы народа, всѣхъ людей, живущихъ въ Россіи, свергнуть иго самодержавія, т. е. той власти, въ составъ которой входитъ царь и царствующій домъ, высшее правительство, полиція и чиновники, свергнуть всю эту шайку для того, чтобы водворить такой порядокъ, когда каждый будетъ имѣть свое участіе во всѣхъ дѣлахъ, совершающихся на родинѣ. И послѣ того какъ не будетъ самодержавія, закончилъ рабочій свою рѣчь, рабочіе-соціальдемократы будутъ бороться и дальше, до тѣхъ поръ, пока не добьются того, что всѣ фабрики, всѣ заводы, всѣ земли не перейдутъ въ руки тѣхъ, кто работаетъ и кого теперь такъ нещадно вездѣ и всегда прижимаютъ и обираютъ.

Солдаты слушали молодого рабочаго съ глубокимъ вниманіемъ, боясь прервать его хотя единымъ звукомъ. Каждое его слово дѣйствовало на нихъ такъ сильно, что они забыли, зачѣмъ ихъ поставили на постъ и кто они такіе. Одинъ только Антроповъ зорко слѣдилъ затѣмъ, чтобы кто-нибудь не замѣтилъ, что они говорятъ съ рабочими, и наблюдалъ за солдатами. Онъ видѣлъ, что ораторъ производитъ на нихъ сильное впечатлѣніе, и въ головѣ у него пронеслась мысль о томъ, что недалеко то время, когда царское правительство встрѣтитъ и въ солдатѣ своего врага.

А рабочій, окончивъ о правительствѣ, сталъ говорить о томъ, что есть такое солдатъ. Но ему не далъ окончить Борисовъ. Онъ давно замѣтилъ, что рабочій ведетъ бесѣду съ солдатами и наперед знал, о чемъ онъ можетъ говорить съ ними, и боялся того же, чего и Антроповъ. И замѣтивъ, что Мавродино, разговаривавшій до послѣдней минуты съ баталіоннымъ командиромъ, направился теперь къ его ротѣ, поспѣшилъ къ Антропову.

— Что тамъ за разговоры у тебя, Антроповъ, крикнулъ Борисовъ надъ самымъ его ухомъ. Антроповъ не сводилъ глазъ съ Мавродино, почему и не

замѣтилъ, какъ подошелъ къ нему Борисовъ. Не замѣтилъ этого никто и изъ солдатъ.

Скомандовавъ „смирно“, Антроповъ далъ какое-то объясненіе, повидимому, вполнѣ удовлетворившее Борисова, и послѣдній пошелъ было дальше, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился и крикнулъ:

— Антроповъ, дай спичекъ!

Антроповъ быстрымъ шагомъ подошелъ къ Борисову, взялъ правой рукой подъ козырекъ, а лѣвой вытащилъ изъ кармана коробку спичекъ, а Борисовъ сталъ медленно закуривать папиросу.

— А вѣдь солдатамъ полезно, что ихъ вывели на такое зрѣлище, а! Чѣмъ кончится вся эта исторія? Поди, бойней! вполголоса сказалъ Борисовъ.

— Врядъ-ли. Рабочихъ очень много, да и посторонней публики набралось порядочно. Два раза аттака козаковъ была отбита, и вонъ рабочій говоритъ, что жандармерія разрѣшила на сегодня собраніе, отвѣтилъ шопотомъ Антроповъ.

— Да, я тоже это слышалъ. Наше офицерство жаждетъ боя, подлецы! Погоди, когда-нибудь мы имъ покажемъ! А что рабочій! Говорилъ что-нибудь?

— Да, и какъ!.. Молодчина!

— Надо быть осторожнѣй. А здорово я распекъ? чуть улыбаясь, попыхивая папироской, спросилъ Борисовъ.

— Здорово, и хорошо сдѣлали, а то я сталъ забываться, въ тонъ отвѣтилъ ему Антроповъ.

— Ну, надо намъ разойтись, а то ненарокомъ и влопаемся.

И они отошли другъ отъ друга.

— Что распеканція? спросилъ Бородай возвратившагося Антропова.

— Да, сквозь зубы сердито пробурчалъ Антроповъ и, посовѣтовавъ солдатамъ быть осторожнѣе, сталъ свертывать „ножку“.

— Портится человѣкъ! А былъ куда какъ хорошъ, какъ пріѣхалъ изъ училища. И всегда они такъ. Черти безхвостые! махнулъ Кувалда рукой и направился къ ружьямъ.

— На то и офицеръ, присяги не забываетъ, отче-

канивая послѣднія слова, вразумительно замѣтилъ Рукавица.

— Да замолчи! Возьму ружье, да и заткну хайло твое, эка шкура барабанная, вспылилъ почему-то Кувалда, а Бородай въ знакъ одобренія энергично сплюнулъ и выругался.

— А мы што! не слушая, продолжалъ развивать свою мысль Рукавица. Извѣстно, мужичье сиволапое: распустили ухи и давай слушать. А его, сволочь, за такія слова по башкѣ прикладомъ и шабашъ. Ишь ты, правительство долой!

— Сицилистъ, поди, лѣниво процѣдилъ сквозь зубы Мотовиловъ. Народъ бѣдовый! Фабрики, заводы, земли... все намъ... ловко, братанъ! И жить значитъ, можно куды какъ хорошо. Барами мы всѣ подѣлались бы... здорово! Страсть!

— Да, братъ, фабрики и земли, подхватилъ Кувалда. Пановъ нѣтъ и самы законы... сейчасъ это военную, стало быть, службу къ черту... Ай да мы!

— А все таки ученый бестія, а молодой! Какъ по писанному такъ и жарить, продолжалъ разсуждать Рукавица. И откуда у нихъ все?! Бѣдовый народъ. Вотъ бы и нашему брату все такъ знать.

— А присяга, вскользь замѣтилъ Кувалда и захохоталъ.

Рукавица ему ничего не отвѣтилъ, громко сплюнулъ, выругался крѣпкимъ словомъ и отвернулся отъ общей компаніи.

— Да, глубоко вздыхая, началъ до того молчавшій Коганъ, и бить бы и мучать насъ солдатъ перестали бы, если... но онъ такъ и не окончилъ своей мысли, а махнулъ рукой и грустными глазами осмотрѣлъ своихъ товарищей.

Послѣднія слова задѣли всѣхъ за самое живое. Всѣмъ сдѣлалось почему-то грустно, а слова Рукавицы, какъ бы они ни казались просты, нашли откликъ во всѣхъ солдатскихъ сердцахъ и вызвали новый рядъ мыслей, не имѣющихъ ничего общаго съ той дисциплиной и муштровкой, которыя столько ужъ времени и такъ тщательно вколачивались въ головы этихъ пришибленныхъ, забитыхъ и замученныхъ людей.

А время между тѣмъ шло. День быстро клонился къ вечеру. Солнце багровымъ шаромъ остановилось на западѣ, бросило послѣдніе лучи на землю и цѣлымъ потокомъ свѣта освѣтило площадь съ громадной толпой и тихо, тихо скользило по небосклону, какъ бы жалѣя разстаться съ землей, гдѣ только что разыгрались столь важныя дѣла...

Солнце не успѣло еще опуститься за землю, какъ въ воздухѣ раздались звуки рожка, призывающаго всѣхъ къ сбору. Солдаты въ недоумѣніи стали собираться въ взводы, полуроты, роты, составился и батальонъ. А между ними быстро распространилась молва, что начальство, испуганное громаднымъ, небывалымъ числомъ собравшихся лицъ и тѣмъ, что атака козаковъ два раза была отбита, само предложило рабочимъ вернуться въ городъ, надѣясь когда-нибудь съ большимъ войскомъ дать настоящее сраженіе и разбить на голову рабочій людъ этого города, храбро возставшій за свою долю и за долю всего угнетеннаго народа.

И вотъ теперь мимо построившагося и тронувшагося въ обратный путь батальона, проходили толпы рабочихъ, оглашая воздухъ пѣснями и возгласами.

— Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія! Долой царя и полицію! Да здравствуетъ общее избирательное право! Долой произволъ! Да здравствуетъ политическая свобода!

Ур...а!..аа!!..стономъ стояло надъ толпой. И все это покрывалось стройнымъ пѣніемъ сильныхъ спѣвшихся голосовъ:

Отречемся отъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ,
Намъ не нужны златые кумиры
Ненавистенъ намъ царскій чертогъ...

И эти торжественные звуки подхватывались тысячной толпой. И величавая пѣсня росла и поднималась, разносясь надъ городомъ, почуявшимъ дыханіе свободы, побѣднымъ, мощнымъ кликомъ, взывающимъ къ народной силѣ, борьбѣ и торжеству правды и справедливости.

Чувствовалось, что это первое серьезное сраженіе,

которое въ этомъ городѣ дали рабочіе самодержавію передъ лицомъ стотысячной толпы, сбѣжавшейся со всѣхъ сторонъ за мостъ, кончилось большой побѣдой, предвѣщающей приближеніе грядущей гибели проклятаго царскаго самодержавія. Сбѣжавшіеся горожане, и безъ того пораженные стройностью недозволеннаго рабочаго собранія, потрясенные содержаніемъ рѣчей, открыто сказанныхъ съ вершины балки, все болѣе и болѣе воочію убѣждались въ величіи и силѣ соціальдемократическаго рабочаго движенія.

Всѣмъ было весело и отрадно на душѣ. Проходящіе около солдатъ рабочіе шутили надъ офицерами. На шутки толпа отвѣчала смѣхомъ, улыбались втихомолку и солдаты; офицеры злились и не знали, что имъ дѣлать, сознавая всю неловкость своего положенія.

— Что, мордобоецъ, обратился какой-то рабочій къ Мавродино, по старому истязуешь? Погоди, братъ, будетъ и на тебя управа. Дай намъ оправиться, все это мы прекратимъ — какъ пить дать. Дай времячко...

— А! Ржаная мука. Что морду-то отвернулъ? Это къ тебѣ, капитанъ Поповъ. Ишь ты, какъ будто и не узнаешь, старые знакомые: твой каптенармусъ. Ахъ, ты воръ! Подлюга!

— Эй вы, солдаты, бросьте ружья и присоединитесь къ намъ! Сегодня вы солдаты, а завтра рабочіе. Васъ призвали бить насъ, а вашихъ отцовъ и братьевъ бьютъ другіе, такіе же, какъ и вы солдаты. Бросай, братцы, ружья и да здравствуетъ революція! Бросай ружья!... Да здравствуетъ свобода!...

Кувалда не удержался и локтемъ правой руки толкнулъ Мотовилова, который и скосилъ глаза въ его сторону. Бородай, въ знакъ одобренія, кашлянулъ, Рукавица искалъ глазами тѣхъ, кто произносилъ эти смѣлыя слова и откровенные возгласы, а Коганъ весь преобразился, и на лицѣ его засіяла улыбка, способная вселить каждому, случайно замѣтившему ее, увѣренность въ томъ, что этотъ человѣкъ

готовъ на полное самопожертвованіе и съ отвагой бросится въ бой съ врагами народа.

Офицерство было очень зло на то, что имъ пришлось „отступить“ предъ этой „сволочью“, которую можно было разогнать одними плюхами. Офицера N-скаго полка смотрѣли на рабочихъ, какъ на своихъ личныхъ враговъ, съ которыми „честь мундира“ приказываетъ помѣряться силами и они клялись въ душѣ когда-нибудь имъ жестоко отомстить. Болѣе развитые изъ нихъ видѣли, что дисциплинѣ грозитъ серьезная опасность, и что солдатъ, въ концѣ концовъ, уйдетъ изъ подъ ихъ подчиненія, разъ ему прійдется все чаще и чаще сталкиваться съ подобными фактами жизни.

Солдаты были угрюмы. Хотѣлось ѣсть, отдохнуть. Вынужденное бездѣйствіе и сознаніе своей полной безполезности, невольно закравшееся къ нимъ въ души послѣ того, что они сегодня видѣли и слышали, будило ихъ умъ, тревожило совѣсть и вызывало настойчивую мысль, да зачѣмъ же имъ всегда и вездѣ безпрекословно подчиняться всѣмъ приказаніямъ начальства?

Въ ихъ души крѣпко запала мысль, съ каждымъ мгновеніемъ преобразующая ихъ сознаніе. Мысль эта была о томъ, что вѣдь они солдаты братья вотъ этимъ проходящимъ мимо нихъ рабочимъ и мѣщанамъ; братья тѣмъ крестьянамъ, о которыхъ разсказывалъ Рукавица и которыхъ сѣкли, истязали и насиловали. Каждый изъ нихъ сегодня почувствовалъ, что связь, существующая между ними, какъ солдатами, и тѣми, кто проходилъ мимо нихъ, пріобрѣла такой характеръ, который создаетъ *долгъ* и *священную обязанность* предъ народомъ. Почувствовалось и то, что, офицеры, сворачивающіе имъ въ строю скулы и обкрадывающіе ихъ на пайкѣ, такіе же господа, какъ помѣщики, какъ фабриканты, какъ купцы, какъ становой и земскій начальникъ. Правда, ясно сейчасъ же сформулировать своей мысли они еще не смогли бы, но все говорило за то, что не за горами то время, когда будетъ поставленъ вопросъ о томъ, что они такое, какъ солдаты и что они перестанутъ исполнять приказанія при-

тѣснителей, образующихъ изъ себя одну шайку грабителей, и поймутъ, что надо стать на сторону тѣхъ, противъ кого они сегодня были вызваны. Да и сама жизнь не замедлила уяснить имъ эту идею и помогла усвоить ее...

Ѣдкія замѣчанія противъ офицеровъ все продолжали и продолжали сыпаться изъ толпы, и трудно сказать, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не явился губернаторъ.

Губернаторъ, проѣзжая мимо войска, быстро понялъ положеніе офицеровъ и рѣшилъ немедленно вывести ихъ изъ затрудненія. Онъ пригласилъ ихъ всѣхъ на ужинъ въ дворянское собраніе.

Раздалась команда. Батальонъ повернулъ и направился къ казармамъ, оставшись подъ командой дежурнаго офицера, Борисова. Остальные офицеры тотчасъ же съ радостью воспользовались приглашеніемъ губернатора и бросились на извощикахъ въ городъ.

Выйдя за городъ, батальонъ шелъ „вольно“, и солдаты дѣлились своими впечатлѣніями. Батальонъ растянулся по всей дорогѣ. Было темно. Борисовъ шелъ рядомъ съ Антроповымъ и все время они вели бесѣду.

— Нѣтъ, Борисъ Александровичъ, — заканчивая разговоръ сказалъ Антроповъ, — а за прокламаціи надо взяться. Вести дѣло такъ дальше нельзя. На однихъ разговорахъ, да на разсказахъ со „своими“ далеко не уѣдешь.

— Да, видно, надо, согласился и Борисовъ. И, пожавъ незамѣтно другъ другу руку, они скрылись вмѣстѣ съ солдатами за дверьми казармы, къ которой уже подошелъ батальонъ.

IV

Прошло нѣсколько дней. Разговоры о всемъ видѣнномъ и слышанномъ во время „бунта“ рабочихъ почти прекратились, и жизнь солдатъ опять вошла бы въ свою обычную колею, если бы не появленіе между ними прокламацій, свалившихся въ казарму неизвѣстно откуда, какъ снѣгъ на голову въ солнечный день. Прокламація ясно и толково излагала причины, побудившія рабочихъ на борьбу, указывала на то, что иего, солдата, бьютъ, грабятъ на службѣ такъ же, какъ это дѣлалось и раньше, въ деревнѣ, что правительство совершаетъ самое большое преступленіе изъ преступленій, разъ оно превращаетъ солдатъ въ послушное орудіе богачей, помѣщиковъ и чиновниковъ. Прокламація также касалась и вопроса о томъ, что такое солдатъ, и отвѣчала на это, что солдатъ такой же гражданинъ, какъ и каждый другой человѣкъ, живущій въ Россіи. Солдатъ—говорилось тамъ—не долженъ забывать интересовъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ жилъ вмѣстѣ до службы, и настаивала на необходимости помнить, что солдатъ одѣваетъ мундиръ только на нѣсколько лѣтъ съ тѣмъ, чтобы по окончаніи своего срока службы опять превратиться въ крестьянина, рабочаго, батрака или мѣщанина. Заканчивалась прокламація призывомъ помочь дѣлу освобожденія родины отъ ига царскаго самодержавія.

Одно появленіе прокламаціи вызвало уже громадный переполохъ. Прокламаціи находили подъ подушками, въ сапогахъ, ранцахъ, сумкахъ, котелкахъ, а также въ отхожихъ мѣстахъ, въ корридорахъ и вообще во всѣхъ закоулкахъ казармы. И это произвело такое сильное впечатлѣніе на всѣхъ, что батальонъ сразу заволновался, и это волненіе не могло само по себѣ долго улечься.

— Эге, читалъ!? хитро подмигивая глазомъ, спросилъ Кувалда, встрѣтившись съ Рукавицей и Мотовиловымъ около сарая.

— Ну? переспросилъ Рукавица, нахмуривъ почему-то брови и кусая губы.

— А вотъ и „ну“!

— Ловко написано, раздумывая о чемъ-то, сказалъ Мотовиловъ.

— Вотъ ты солдатъ, и не солдатъ.

— Брось, дьяволъ! И Рукавица быстрыми шагами направился въ казарму и остановился по дорогѣ около нѣсколькихъ человѣкъ, горячо о чемъ-то спорящихъ. Между ними былъ Бородай.

— А штошъ! Самъ посуди! Гонятъ бить, и кого? Своихъ! Ишь ты, какіе ловкачи все. Бары все... И суда на нихъ нѣтъ!

— Я сегодня стрѣляю, а завтра съ ними, стало быть, рабочій или мужикъ.

— Штука! сквозь зубы замѣтилъ Рукавица.

— А кто посылаетъ? въ раздумьи спросилъ онъ солдатъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Кто!? чудакъ! Начальство. Все оно воловодитъ!... скороговоркой отвѣтилъ Бородай и, сплюнувъ, крѣпко выругался.

— Какъ же такъ! Бить, и за что!? За богатыхъ, а? спросилъ Кувалда, появившійся вдругъ откуда-то.

— У! морда! промычалъ Рукавица и, показавъ громадный кулакъ, ушелъ къ своей койкѣ.

— Ловко подсунуто! Да-а! чего говорить! Я, братаны, въ жилеткѣ нашелъ, вмѣшался Мотовиловъ. И кто бы это могъ!?

— Чертъ и его жинка, да семь чертенятъ махонькихъ, ихъ дѣтей, значитъ, засмѣялся Кувалда. И разговоръ продолжался, вызывая рядъ все новыхъ и новыхъ вопросовъ, которые солдаты, не чувствуя ихъ сложности, разрѣшали весьма просто.

Ближайшее начальство узнало о прокламаціяхъ довольно поздно и страшно всполошилось. Прилетѣлъ Мавродино, отколотилъ фельдфебеля и всѣхъ унтеровъ и приказалъ сейчасъ-же отобрать всѣ до единой бумажки у всѣхъ солдатъ его роты.

То же происходило и во всемъ батальонѣ.

Вечеромъ Антропову удалось незамѣтно уйти изъ казармы, и онъ очутился у Борисова, давно его поджидавшаго.

— Ну, Борисъ Александровичъ, чего мы только

не натворили. Вотъ такъ каша! Послушали бы вы, что сегодня говорятъ солдаты! Просто страсть!

— Ну!

— Вѣрно... Я вамъ скажу, это наша первая побѣда!

— Здорово, братъ!.. Молодцомъ!... Ай, да мы!

— Теперь дѣло пойдетъ!... Вотъ какъ пойдетъ! Увидите!...

— Лишь бы не попасться, братъ, на первыхъ порахъ.

— О, будьте покойны! Положитесь на меня. Нашъ братъ, революціонеръ, эти дѣла знаетъ... У меня подобрались хорошіе ребята. Вѣрные и преданные.. Все чисто будетъ... Подъ лакъ раздѣлаемъ!

И между ними сейчасъ же завязался серьезный дѣловой разговоръ, продолжавшійся очень недолго. Каждый понималъ, что работа, такъ хорошо начатая, требуетъ еще большей осторожности и такта.

Антроповъ отлично понималъ, что ни подъ какимъ видомъ нельзя дать уснуть тому впечатлѣнію, какое солдаты получили отъ первой прокламаціи и что немедленно требуется цѣлый рядъ ихъ и только тогда ихъ воздѣйствіе можетъ дать хорошіе результаты. Съ этимъ не могъ не согласиться и Борисовъ, и тутъ же рѣшено было написать еще и выпустить на дняхъ новую прокламацію.

Также было рѣшено продолжать усиленно заниматься съ солдатами, пользуясь всѣмъ, что можетъ еще болѣе разжечь рознь между солдатами и ближайшимъ ихъ начальствомъ.

Антроповъ въ этомъ особенно успѣвалъ. Онъ задѣвалъ за самое живое солдата и всегда ставилъ дѣло такъ, что солдатъ неожиданно для самого себя вдругъ понималъ, что все его начальство врагъ ему. Не останавливаясь на этомъ, Антроповъ заставлялъ солдатъ приходить къ тому заключенію, что и все правительство во главѣ съ самимъ царемъ-батюшкой еще болѣе злѣйшіе и худшіе враги его, чѣмъ ротный Мавродино или капитанъ Поповъ.

Старался не отставать въ этомъ дѣлѣ и Бори-

совъ. Но Антроповъ имѣлъ уже въ прошломъ богатый опытъ революціоннаго дѣла и былъ по всей своей натурѣ типичнымъ революціонеромъ; Борисовъ же только учился у него и оказывался очень хорошимъ ученикомъ. На солдатъ оба они имѣли огромнѣйшее вліяніе.

* * *

Послѣ одного изъ истязаній, которому былъ подвергнутъ весь батальонъ на ученіи полковника Иваницкаго и на которыя онъ былъ особеннымъ мастеромъ, появилась новая прокламація. На этотъ разъ она касалась вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ офицера и солдата. Офицеры описывались, какъ грубые, мало образованные люди, способные только на истязанія солдатъ и лихоимство; солдаты, какъ забитые и покорные рабы, не умѣющіе отстоять себя отъ издѣвательствъ этихъ баръ и господъ въ мундирахъ. Положеніе солдата ставилось въ связь съ общимъ строемъ русской жизни и освѣщалось примѣрами многихъ случаевъ, вполнѣ понятныхъ каждому простолюдину.

Эта распространенная съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и въ первый разъ прокламація по всему батальону произвела еще большее впечатлѣніе. Солдаты были злы и избѣгали разговоровъ.

Офицерство, узнавъ о прокламаціи, окончательно всполошилось и дало знать жандармской власти. Жандармы явились и стали производить обыскъ. Они перешарили всю казарму, но ушли, ничего не найдя и теряясь въ догадкахъ, чьихъ рукъ можетъ быть это дѣло.

Въ батальонѣ были приняты особыя мѣры. Солдатъ перестали выпускать изъ казармъ, стали тщательно слѣдить за ихъ перепиской, не позволяли собираться вмѣстѣ для разговоровъ и учинили „негласный“ надзоръ, т. е. подкупили двухъ самыхъ „захудалыхъ“ солдатъ и поручили имъ выслѣдить „преступниковъ“.

Но ничто не помогало. Появилась еще новая прокламація, объясняющая причину появленія жандармовъ, обысковъ, строгостей и изъ всего этого

дѣлался выводъ, указывающій на то, насколько правы рабочіе, требуя политической свободы, свободы слова и печати.

Появленіе этой прокламаціи не обошлось безъ жертвъ. Арестовали Бородая и Кагана, которыхъ фельдфебель ночью замѣтилъ, подбрасывающихъ прокламаціи. И когда Бородая и Кагана уводили въ тюрьму, то Бородай, выходя изъ казармы, остановился у порога дверей и крикнулъ:

— Прощайте, братцы! Да здравствуютъ рабочіе!

А Каганъ снялъ шапку и, идя безъ нея по двору, все время, въ знакъ прощанія, кивалъ головой.

— Да здравствуетъ политическая свобода, закричалъ онъ, остановившись на минуту у самыхъ воротъ.

Прощаніе Бородая и Кагана, ихъ возгласы произвели на всѣхъ слышавшихъ ихъ неизгладимое впечатлѣніе.

— Храбрый какой, чертъ, даромъ что жидъ, сквозь зубы замѣтилъ Рукавица, наблюдавшій вмѣстѣ съ другими солдатами за всей сценой ареста Бородая и Кагана и отправленія ихъ въ тюрьму.

— Сволочь, проревѣлъ тутъ же стоявшій Кувалда. Жидъ... человѣкъ, продолжалъ ревѣть онъ, наступая на Рукавицу съ зло блиставшими глазами.

Кувалда давно точилъ зубы на Рукавицу, и дѣло кончилось бы дракой, если бы ихъ не развели.

Арестъ солдатъ еще болѣе возбудилъ казарму. Заговорили всѣ, негодуя на начальство. Солдаты разбились на кучки и всѣ были заняты однимъ и тѣмъ же разговоромъ. Даже унтеръ-офицеры и отдѣленные начальники смотрѣли на все сквозь пальцы и сами смѣшивались въ общей толпѣ негодующихъ.

— За правду-матку арестовали, хмуро, съ сжатыми кулаками говорилъ Рукавица, переходя отъ одной кучки къ другой.

— Говорить не даютъ. Правды боятся, вторилъ за нимъ Мотовиловъ, слѣдуя за Рукавицей въ этотъ день, какъ тѣнь, и въ душѣ побаиваясь, чтобы у Рукавицы не вышло какого-нибудь столкновенія съ Кувалдой. Мотовиловъ понималъ, что столкнове-

ніе можетъ погубить ихъ общее дѣло и дѣлалъ все, чтобы предотвратить его.

Офицеры сдѣлались еще злѣе, требовательнѣе, но они видимо стали сдерживаться и по казармѣ меньше раздавались затрещины.

Прошелъ годъ. За это время произошло много событій. Борисовъ съ Перешницей были арестованы. У Перешницы подъ тюфякомъ нашли кипу вновь отпечатанныхъ прокламацій и хотя онъ настаивалъ на томъ, что получилъ ихъ въ городѣ, но вмѣстѣ съ нимъ арестовали и Борисова и обоихъ отвели въ тюрьму. Несмотря на потерю такихъ двухъ товарищей, какъ Борисовъ и Перешница, Антроповъ не думалъ сдаваться. Дѣйствительно, въ продолженіи двухъ-трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ сталъ появляться „Солдатскій листокъ“, отмѣчающій всѣ событія казарменной жизни. Офицерство совершенно растерялось и многіе изъ нихъ стали сильно подозрѣвать Антропова. Солдаты, съ виду были по прежнему „дисциплинированы“, но этой „дисциплинѣ“ теперь мало кто вѣрилъ. Многіе офицеры понимали, что какой-нибудь неожиданный случай можетъ послужить страшнымъ толчкомъ и тогда вся спайка, которой держится военная служба, сразу лопнетъ.

Такъ и случилось. Опять въ томъ же городѣ, куда годъ тому назадъ вызывались солдаты на усмиреніе рабочихъ, произошла громадная демонстрація, черезъ нѣсколько дней, превратившаяся въ настоящее возстаніе. Рабочіе были вооружены и къ нимъ присоединились всѣ классы населенія. Вызвали казаковъ и мѣстный батальонъ, но они были нѣсколько разъ отбиты, и возставшій народъ стойко держался на занятыхъ имъ позиціяхъ. Власти принуждены были вызвать еще полкъ, находящійся недалеко отъ этого города и случилось такъ, что второму батальону N-скаго полка опять пришлось идти „усмирять“ „бунтовщиковъ“.

Узнавъ о приказѣ выступленія въ походъ, солдаты этого батальона стали угрюмы и избѣгали разговоровъ. Всѣ впечатлѣнія, полученныя ими при чтеніяхъ прокламацій и лежавшія до сихъ поръ

глубоко на днѣ ихъ душъ, по мѣрѣ приближенія къ городу всплывали все болѣе и болѣе наружу. Они приходили въ связь со всѣмъ тѣмъ, о чемъ такъ много разъ разсказывалъ имъ Антроповъ и Борисовъ, которымъ удалось въ этомъ отношеніи достичь большаго, чѣмъ они ждали. Солдаты были теперь другими. Надо замѣтить, что всѣхъ солдатъ вызваннаго полка возмущала обязанность идти на бой и усмирять своихъ же братьевъ, но это возмущеніе во второмъ батальонѣ имѣло *другое* основаніе.

Офицеры, знающіе своихъ людей, давно замѣтили, что всѣ солдаты ихъ полка *недовольны*, но они видѣли, что недовольство второго батальона можетъ и должно будетъ прорваться въ возмущеніе. Иваницкій и Мавродино и многіе другіе офицеры отлично понимали это, но не хотѣли еще вѣрить.

Вызванный полкъ по-батальонно размѣстился въ разныхъ мѣстахъ города, занявъ позицію противъ возставшихъ. Было приказано оцѣпить бунтовщиковъ и перестрѣлять хотя бы всѣхъ до единаго. Началась перестрѣлка. Съ той и другой стороны стали падать убитые и раненые.

Солдаты второго батальона стрѣляли вяло и пускали пули черезъ головы „непріятеля“, не причиняя ему никакого вреда. Полковой командиръ, видя настроеніе части своихъ солдатъ, боялся затянуть сраженіе и сдѣлалъ распоряженіе объ аттакѣ. Второму батальону пришлось идти въ „штыки“. Но солдаты, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вдругъ заколебались и въ эту рѣшительную минуту предъ строемъ оказался Антроповъ и громовымъ голосомъ скомандовалъ:

— Смирно! Слушать *только* меня!

И, не давъ опомниться офицерамъ и остановившимся солдатамъ, продолжалъ:

— Ребята! Довольно подчиняться тѣмъ, кто является врагомъ народа. Народъ умираетъ на баррикадахъ и вы знаете, на чьей сторонѣ правда. Наше мѣсто тамъ — среди возставшихъ! Ура!..

— Ура!.. подхватило нѣсколько десятковъ голосовъ, и этотъ кличъ громовымъ перекатомъ понесся по всему батальону.

Первымъ изъ офицеровъ нашелся Мавродино. Онъ бросился съ шашкой на Антропова, но къ нему подскочилъ Рукавица, выдвинувшійся изъ строя.

— Убью, мерзавецъ! Не трогай его! ревѣлъ Рукавица и, взявъ ружье „на руку“, заставилъ Мавродино остановиться. Это неожиданное обстоятельство, происшедшее на глазахъ у всѣхъ, довершило дѣло.

И не успѣли еще раскаты „ура!“ застыть въ воздухѣ, какъ Антроповъ снова заговорилъ и около него уже стояла тѣснымъ кольцомъ вся рота Мавродино. Къ ней спѣшили присоединиться и солдаты другихъ ротъ, цѣлыми отдѣленіями и взводами переходя къ своимъ товарищамъ, такъ смѣло поднявшимъ возстаніе.

— Идемъ къ нимъ, къ нашимъ братьямъ! Ура!! Да здравствуетъ революція! закончилъ Антроповъ и, повернувъ ружье прикладомъ вверхъ, бросился впередъ, увлекая за собою всѣхъ остальныхъ. Кувалда, Мотовиловъ бѣжали рядомъ съ нимъ и изъ всѣхъ силъ кричали „ура!“

Теперь этотъ кличъ „ура!“ поддерживался нѣсколькими сотнями голосовъ солдатъ и чуялось въ немъ, что это былъ побѣдный вызовъ новаго міра старому, давно отжившему.

Но Мавродино былъ не изъ тѣхъ офицеровъ, кого можно было запугать видомъ ружья, конецъ штыка котораго упирался въ его грудь. Онъ одной рукой схватилъ за штыкъ, а другой вытащилъ револьверъ и пустилъ пулю въ догонку, цѣлясь въ Антропова.

— У, собака! Стрѣляешь еще! Довольно пилъ нашу кровь! —и съ этими словами Рукавица вонзилъ штыкъ въ грудь жестокаго капитана. Капитанъ упалъ, обливаясь кровью и зло посматривая на своего возставшаго солдата. Офицеры бросились въ разсыпную, а та часть солдатъ второго батальона, которая продолжала еще немного колебаться, увидя свое начальство убѣгающимъ прочь, бросилась за Рукавицей, который догонялъ впереди бѣгущихъ товарищей во главѣ съ Антроповымъ.

Рабочіе, увидѣвъ смятеніе, происшедшее между солдатами, въ первое время ничего не могли понять.

Но когда они замѣтили толпу солдатъ, бѣгущую съ ружьями, перевернутыми кверху прикладами, они сейчасъ же сообразили, въ чемъ дѣло, и громкіе восторженные клики были первымъ привѣтствіемъ этимъ храбрымъ воинамъ, истинымъ друзьямъ и братьямъ своего народа.

Между тѣмъ Антроповъ, вскочивъ на баррикаду, отдалъ части солдатъ, вмѣстѣ съ нимъ прибѣжавшихъ, распоряженіе открыть непрерывный огонь по козакамъ, которымъ было приказано отрѣзать дорогу тѣмъ солдатамъ, которые спѣшили присоединиться къ нему.

Энергичная пальба солдатъ и рабочихъ заставила козаковъ отказаться отъ своей мысли и такимъ образомъ, солдатамъ, не сразу бросившимся за Антроповымъ, была открыта свободная дорога.

Отступленіе козаковъ, видъ все болѣе и болѣе бѣгущихъ къ баррикадамъ солдатъ, на бѣгу заряжающихъ ружья и стрѣляющихъ въ тѣхъ, кто продолжалъ стрѣлять въ возставшій народъ, вызвали новый побѣдный долго несмолкавшій кликъ рабочихъ.

Этотъ кликъ, громомъ пронесшійся надъ потрясеннымъ, возставшимъ народомъ, радостной побѣдной вѣстью отозвался далеко на баррикадахъ, гдѣ сотни мужчинъ и женщинъ, рабочихъ и горожанъ, съ безпримѣрнымъ мужествомъ и отвагой отстаивали натискъ обезумѣвшихъ и озвѣрѣвшихъ козаковъ. Покидавшія силы революціонеровъ удесятерились и рабочіе, съ красными знаменами въ рукахъ, забывая о своей жизни, непрерывной лавой кинулись на поколебленнаго врага и вмигъ обратили его въ позорное бѣгство. И всюду, куда доносилась вѣсть о самоотверженной борьбѣ рабочихъ, о возставшемъ и присоединившемся къ народу войскѣ, объ артилеристахъ, отказавшихся стрѣлять по городу, о новыхъ и новыхъ батальонахъ рабочаго и крестьянскаго люда, спѣшно подходившихъ къ городу изъ окрестныхъ селъ, шахтъ и заводовъ — вездѣ, вездѣ надъ всѣми разносился одинъ и тотъ же наболѣвшій побѣдный крикъ:

— Долой самодержавіе!

— Да здравствуетъ политическая свобода!

ИЗДАНІЯ „ИСКРЫ", РЕВОЛ. ОРГАН. „СОЦІАЛДЕМОКРАТЪ" И „ЛИГИ РУССКОЙ РЕВОЛ. СОЦІАЛДЕМОКРАТІИ".

(1900 — 1903 гг.)

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Манифестъ Коммунистической Партіи, съ предисловіемъ Г. Плеханова (разошлось).

Л. Мартовъ. Красное знамя въ Россіи, съ предисловіемъ П. Аксельрода (разошлось).

Майскіе дни въ Харьковѣ въ 1900 г. (разошлось).

Женщина-работница (разошлось).

Потребительныя товарищества (статьи К. Каутскаго, Бертрана и Д. Кольцова).

Васильевъ. Восьмичасовой рабочій день.

М. Шиппель. Профессіональные рабочіе союзы, съ предисловіемъ Д. Кольцова.

Въ защиту иваново-вознесенскихъ рабочихъ.

Разсказы изъ французской революціи, вып. I-III.

Письмо къ товарищамъ-пропагандистамъ, съ пред. Л. Мартова.

Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ? (3-ье изд.)

Чего хотятъ соціальдемократы?

А. Б. Обуховская оборона.

Двѣ рѣчи (П. Алексѣева и Варлена).

Ф. Энгельсъ. Развитіе научнаго соціализма (3-ье изданіе), съ предисловіемъ Г. Плеханова.

Изъ Тифлисскаго рабочаго движенія.

Г. Плехановъ. Русскій рабочій въ револ. движеніи (2-ое изд.)

Пѣсни революціи.

Ф. Лассаль. Программа работниковъ.

Н. Ленинъ. Задачи русскихъ соціальдемократовъ, съ предисловіемъ П. Аксельрода.

Н. Ленинъ. Что дѣлать? Наболѣвшіе вопросы нашего движенія (разошлось).

Самодержавіе и стачки. Записка Витте, съ прил. ст. Мартова.

Тунъ. Исторія рев. движеній въ Россіи, съ пред. Г. Плеханова и стат. Г. Плеханова, П. Лаврова, Д. Кольцова и Я. Стефановича.

К. Каутскій. Эрфуртская программа.

Сибирскій. Отправка студентовъ въ Сибирь.

Г. Плехановъ. Некрасовъ (къ 25-лѣтію его смерти).

Революціонный авантюризмъ.

Демонстранты передъ судомъ. Обвинительный актъ по Нижегородскому и Саратовскому дѣламъ.

Пролетарскій праздникъ 1-го мая.

Амвросій. Правда о ростовскихъ событіяхъ.

Милитаризмъ и рабочій классъ.

Проектъ программы Р. С.-Д. Р. П., выраб. ред. „Искры" и „Зари".

Въ казармѣ (изъ наблюденій соціальдемократа).

ЗАРЯ, № 1 (разошлось), № 2-3, № 4.

„Записка" Витте о земствѣ, съ пред. Р. Н. С. (разошлось).

Н. Ленинъ. Къ деревенской бѣднотѣ (опытъ популяризаціи аграрной программы русской соціалдемократіи).

К. Каутскій. Соціальная революція.

Л. Мартовъ. Рабочее дѣло въ Россіи (2-ое переработ. изд.)

Иксъ. Объ аграрной программѣ, и Н. Ленинъ, отвѣтъ на критику нашего проекта программы.

Машицкій. Изъ жизни солдата.

Въ складѣ „Лиги“ имѣется: К. Марксъ. Революція и контръ-революція въ Германіи.

Печатаются:

Л. Дейчъ. Воспоминанія.
Л. Мартовъ. Красное знамя въ Россіи (2-ое перераб. изд.).
Передъ Разсвѣтомъ. Сборникъ рев. пѣсенъ и стихотвореній.
Ф. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи, съ предисловіемъ Г. Плеханова и съ приложеніемъ: изъ предисловія къ книгѣ „Der deutsche Bauernkrieg“.
К. Марксъ. Критика готской программы, съ предисловіемъ Г. Плеханова.

PRIX: 40 centimes.